

ДЖОРДЖ ГРАЙДЕР,
ЛИДЛ СИМС

БОЕВАЯ РЫБКА

Воспоминания американского
подводника

**Лидл Симс
Джордж Грайдер
Боевая рыбка. Воспоминания
американского подводника**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609195

Боевая рыбка. Воспоминания американского подводника: Центрполиграф; М.; 2004

ISBN 5-9524-0763-3

Аннотация

Воспоминания боевого командира, офицера-подводника Джорджа Грайдера, записанные журналистом Лидлом Симсом, – уникальное свидетельство участника Второй мировой войны. Ярко и образно описаны подготовка моряков, совершенствование ими навыков морской службы, боевые патрулирования и торпедные атаки. Грайдер был очевидцем нападения японцев на Перл-Харбор, поэтому его рассказ особенно ценен. В книге передана напряженная атмосфера постоянного риска нахождения на большой глубине в замкнутом пространстве американской подводной лодки.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Джордж Грайдер, Лидл Симс

Боевая рыбка. Воспоминания американского подводника

Посвящается Энн и Гэйлу

Глава 1 «ТИХАЯ» СЛУЖБА

По мере того как один за другим проходили дни 1941 года, всем нам становилось ясно, что приближается война. И осознание этого факта занимало умы даже тех из нас, кто отвергал такую возможность. Я думаю, что это как со смертью: все мы знаем, что когда-то умрем, но до тех пор, пока этот момент не наступит для нас, мы ее не приемлем.

Мы с группой сослуживцев играли в бридж в моем доме в Сан-Диего поздним вечером 6 декабря. Кто-то спросил меня, когда, по моему мнению, мы вступим в войну. «Завтра», – сказал я в шутку, мой партнер открыл карты без козырей, и вопрос был забыт.

На следующий день мы с Энн и нашим маленьким сыном Билли наслаждались спокойствием воскресного дня, когда к нам в дом ворвался сосед и сообщил нам, что бомбили Пёрл-Харбор. Прошла не одна неделя, прежде чем я отделался от ощущения, что в какой-то степени ответствен за свое легкомысленное предсказание.

А в тот день я тут же сел в машину, сказал жене и ребенку нежное «прощайте» и поехал в дивизион, к которому был приписан и в составе которого были четыре старые субмарины. Это были устаревшие подлодки, постройки после Первой мировой войны, но в тот памятный день никто из нас не сомневался, что мы на них незамедлительно вступим в бой.

Еще одно событие того памятного дня – это такой же, как я, морской офицер соседней подлодки. Когда я прибыл, он стоял на палубе, вернее, свешивался через борт. Накануне он хорошо провел время на вечеринке и теперь чувствовал себя так скверно, как никто другой, кого я встречал в подобном состоянии. Второстепенные эпизоды, подобные этому, часто врезаются в память в минуты сильного волнения, но была другая причина, по которой я запомнил все так хорошо. Почти четыре года спустя, в день победы над Японией, я увидел того же самого офицера, к тому времени уже командира субмарины, свесившегося через ее борт в Пёрл-Харборе и опять чувствовавшего себя хуже некуда. Это было выражением прекрасного, несколько драматичного постоянства, с которым я встречался на протяжении войны.

В подводники с самого начала, так же как и в военно-морские силы, я попал случайно. Поступил в морскую академию, потому что там учился мой брат, а он отправился туда вслед за Чарли Бруксом, нашим другом еще по Мемфису, а Чарли сделал свой выбор, потому что видел фильм об Аннаполисе. Сыновьям убитых в Первую мировую войну офицеров ежегодно предоставлялась на эти должности определенная квота, которая никогда не заполнялась. Поэтому в то время, когда наши друзья умащивали и обхаживали политиков в надежде получить назначение, Джон и я просто воспользовались именем нашего отца Гэвока Грайдера и получили необходимые документы. В первый раз я провалился на экзаменах, но на следующий год пошел в подготовительную школу в Аннаполисе, проучился там несколько месяцев, снова сдавал экзамен и, выдержав его, в 1932 году поступил в академию, сразу же после того, как ее окончил мой брат.

Сначала я хотел быть летчиком, как мой отец. Так сильно этого хотел, что брал частные уроки летного дела, когда во время каникул в академии бывал дома в Мемфисе. Я все еще люблю возвращаться к вырезке из старой газетной статьи, в которой Уильям Фолкнер, который был другом моего отца, написал об учившемся летать сыне Гэвока Грайдера. Позднее, когда поступил на флот и служил на линкоре «Миссисипи» отряда военных кораблей США, я часто совершал тренировочные вылеты на старых гидропланах, которые были у нас на борту, и тратил свою небольшую зарплату на полеты частным образом.

Потом притягательность полетов исчезла, и я понял, что мое будущее не связано с авиацией. В последний раз самостоятельно я летал до того, как началась война, в один из дней 1938 года в Пёрл-Харборе, незадолго до того, как Энн приехала на наше второе бракосочетание.

Мы поженились тайно, как только я закончил учебу, в нарушение всех правил, а теперь, когда я отслужил положенные два года, мы собирались повторить церемонию как положено. Я потерял свои летные права и прошел через все бюрократические утряски и проволочки для получения дубликата. Получив его, пошел и взял напрокат на полчаса небольшой биплан, чтобы отметить прибытие моей жены. Едва я стартовал, как мой только что полученный дубликат прав вылетел из кармана, закружился в воздухе и приземлился внизу, в самой гуще громадного поля сахарного тростника. Вот тогда-то я и сказал себе: «С полетами покончено».

Я отслужил положенное время на «Миссисипи» и был переведен на эсминiec «Рейдберн». Мы отлаживали на подлодках новое оборудование, с помощью которого ВМФ надеялся однажды запеленговать находящиеся в подводном положении лодки, определив расстояние до них при помощи отраженных сигналов – первый на военном флоте эксперимент с гидролокатором. Работа была увлекательной, но более того завораживала меня жизнь подводников. Я выходил в море при любой возможности и вскоре решил, что эта служба по мне: маленькие суда, где царит удивительно высокий моральный настрой и боевой дух, да и платят подводникам прекрасно. Я направил соответствующее заявление и получил назначение в школу подводников, 23 мая 1939 года, в тот самый день, когда «Скволус» затонула во время испытательного погружения в море в районе Портсмута, Нью-Хэмпшир. У меня за плечами было уже шесть месяцев интенсивной подготовки в школе подводников в Нью-Лондоне, Коннектикут, и более года на субмарине «Скипджек», когда я пришел в гидролокационную школу ВМФ в Сан-Диего вести противолодочный курс для моряков с эсминцев. Тогда было вполне естественно, что, когда мы спешили на наши подлодки в день Пёрл-Харбора, мне слишком хорошо было известно, что мог сделать с ними вражеский миноносец.

Мы оставались в тот день на базе, слушая жуткие истории и слухи по радио, а на следующий день отправились на боевое патрулирование. По крайней мере, оно называлось боевым патрулированием и во многом было таковым. Причем опасность исходила не столько от противника, сколько от наших собственных нервных действий. И если бы мы увидели чье-либо судно на плаву, будь то друг или враг, я уверен, мы бы сначала попытались его потопить, а потом уже распознать. Десять дней находились в дозоре на расстоянии от 50 до 100 миль от Сан-Диего, охраняя гавань и пытаясь поймать по радио последние новости о войне. И особенно были обескуражены сообщениями о том, что японцы потопили английские корабли «Рипалс» и «Принц Уэльский». До этого никто из нас не верил, что самолеты способны потопить такие могучие бронированные военные корабли.

Наконец мы обнаружили одно судно и попытались к нему приблизиться, но, к счастью, оно ушло от нас. Теперь я убежден, что это был американский танкер, команда которого и не подозревала, насколько близка была к гибели.

В последовавшие за тем годы войны, когда боевое патрулирование стало делом обычным и подводные лодки превратились в один из самых эффективных видов оружия в арсе-

нале государства, я никогда не забывал кошмарную особенность того первого патрулирования. Мы, находясь вдалеке от главных событий войны, не имели представления о том, какая жизнь ждет нас впереди, не догадывались о той убийственной роли, которую сыграют наши подлодки в войне с Японией.

Но драма в Тихом океане уже разворачивалась. Во время самой атаки на Пёрл-Харбор орудейные расчеты подлодок «Таутог» и «Нарвал» разделили с миноносцем славу за уничтожение одного из атакующих японских самолетов. Несколькими часами позднее обстрел Мидуэя японскими военными кораблями прекратился из-за появления в радиусе атаки противника «Аргонавта». И только через три дня после Пёрл-Харбора военный корабль противника недалеко от острова Уэйк был поврежден «Тритоном» в первой торпедной атаке подводной лодки Тихоокеанского флота. А «Суодфиш» потопила большое грузовое судно только через восемь дней после атаки на Пёрл-Харбор, и это первое подтвержденное потопление японского судна субмариной ВМФ США. Таким образом, прежде чем мы вернулись после задания по обороне порта Сан-Диего, наши подлодки на Тихом океане приступили к суровой миссии: торпедированию как торговых вражеских грузовых судов, так и кораблей военного флота, как только и когда только они попадутся.

По мере развертывания боевых действий результаты были все более впечатляющими. Намучившись на первых порах с несовершенными торпедами, с неподходящим оборудованием, наши подводники выработали собственные приемы нового для Америки вида боевых действий и вскоре стали управляться со своими субмаринами уверенно. Общее число потопленных вражеских грузовых судов постоянно росло в течение 1942-го и 1943 годов и достигло пика к концу 1944 года, а сократилось в последние месяцы войны из-за резко уменьшившегося числа бороздивших океан японских военных кораблей и торговых судов. Но потоплять их продолжали до самого конца. Японская подводная лодка «1-373», последняя из крупных субмарин, была потоплена лодкой «Спайкфиш» 13 августа 1945 года. А Левеллин, командир лодки «Торск», потопил два корабля береговой охраны 14 августа, всего за несколько часов до окончания войны.

Эта война дорого обошлась подводникам. Из всего личного состава подводного флота со средней численностью 14 750 офицеров и матросов погибли 374 офицера и 3131 матрос. Из строя были выведены 52 из 88 субмарин, 42 из них потоплены противником. Но нам было чем гордиться.

Между первым пуском ко дну, осуществленным лодкой «Суодфиш», и последним – лодкой «Торск», наши субмарины потопили более половины из всех японских торговых и военных кораблей, пущенных ко дну во Вторую мировую войну. Более четверти вражеских военных кораблей, потопленных силами всех флотов, действовавших на Тихом океане, стали жертвами наших торпед. В их числе линкор, 4 авианосца, 4 сопровождающих авианосец корабля, 3 тяжелых крейсера, 9 легких крейсеров, 23 подводные лодки и 44 миноносца. Кроме того, наши подводники выполняли множество особых заданий: обеспечивали боевое охранение транспортных судов, вели артиллерийский огонь по береговым позициям японцев, проводили минно-заградительные действия, спасали летчиков со сбитых самолетов.

Мы прошли большой путь, начиная от подлодок типа «L» прошлого поколения, с малочисленной горсткой экипажа американских подводников, способных лишь обороняться в бою с германскими субмаринами серии «U» Первой мировой войны. Те наши лодки были малы и неустойчивы; они имели большой крен в бурном море; могли вести патрулирование в среднем только в течение восьми дней. В них был тяжелый воздух, а температура не превышала температуры воды за бортом, влага, постоянно конденсировавшаяся на внутренних стенках лодки, превращалась в водяные капли, которые дождем поливали экипаж.

Быстроходные субмарины – те, которые носят названия рыб, – дворцы по сравнению с первыми моделями. На них была система кондиционирования воздуха, кинопроекторы,

холодильники для мороженого, полный домашний комфорт в пределах занимаемого нами помещения. Мы могли находиться в море в течение двух с половиной месяцев, проходить тысячи миль без дозаправки. Четыре дизельные силовые установки обеспечивали достаточную мощность для надводного хода и для подзарядки аккумуляторных батарей, обеспечивавших подводный ход.

Эффективность нашего оружия была не единственным фактором, о котором мы не имели представления, когда курсировали в море у Сан-Диего в последние дни 1941 года. Нам еще предстояло узнать о том, что характер службы подводника предполагает товарищеские отношения, несравнимые с теми, которые существовали в других подразделениях флота, и фактически забытые в условиях современной войны. В определенном смысле мы обрели некий ореол таинственности, привлекательность и свободу действий, какую имели авиаторы в Первую мировую войну. Наша команда была настолько мала, что все на борту субмарины знали друг друга поименно, настолько мала, как служба, которая доставляет на тот свет. Совместные увольнения на берег и тесная дружба сплотили нас. Мы были специалистами, занятыми в высшей степени секретной работой, фактически беспрецедентной в истории нашего флота. И при этой нашей взаимной зависимости мы были независимы до невероятной степени.

Дни славы одиночек давно ушли с большинства театров военных действий. Все теперь решают действия групп и массовые операции. Одиночки, даже если это отдельные подразделения, все реже появляются в поле зрения. Мы же, выходя на патрулирование, были представлены сами себе. Не было никого вне нашего подразделения, кто отдавал бы приказы о том, как идти на сближение, как атаковать, как действовать дальше. Мы оставались с врагом один на один. Случалось, мы выходили группами, но в большинстве случаев действовали самостоятельно. Нам определяли район патрулирования и давали общие инструкции о том, что предпринимать в той или иной ситуации или чего ожидать, и в рамках этих распоряжений мы действовали в широком широтном диапазоне. Мы были корсарами в мире, почти забывшем это слово. При всей жестокости войны это был щекочущий нервы уникальный опыт.

В наших маленьких экипажах все 80 или 90 человек на борту волей-неволей зависели друг от друга, и матрос самой низшей статьи должен был столь же умело выполнять свои обязанности, как и капитан. В любом роде войск безопасность каждого воина зависит от действий его товарища по оружию, но на подводной лодке эта зависимость чрезвычайно тесная. При неукоснительном соблюдении старшинства по званию там обходятся без лишней формальности, и каждый ощущает свою принадлежность к одной команде. В наших отношениях полностью отсутствовали какая-либо зависть друг к другу, обиды матросов на офицеров или враждебность офицеров к матросам. Когда я служил на «Поллак», обладавший художественными способностями радист рисовал дружеские шаржи на офицеров в корабельной газете. На «Уаху» именно обычный матрос обеспечивал Машу Мортону проход в гавань Вевак.

Я помню ночь, когда стоял на мостике «Флэшер», рассекавшей гладь спокойного, залитого лунным светом моря, в компании с вахтенным всматриваясь в горизонт в поисках противника, когда мне вдруг пришла в голову почти мистическая убежденность в том, что каждый человек внизу – мой брат. Вспомнились слова Генри V из хроники У. Шекспира: «Ибо тот, кто сегодня проливает вместе со мной свою кровь, будет моим братом». Это чувство, я думаю, разделял тогда каждый из нас. До сих пор, когда я вижу человека с отличительными значками подводника, я останавливаю его, чтобы пожать руку.

Не знаю, кто придумал нам прозвище «тихая служба», но при всем своем соответствии оно неизбежно вводит в заблуждение. Операции подводных лодок были скрыты покровом секретности, за некоторыми исключениями, сделанными из моральных соображений, такими, как всеобщее одобрение действий Маша Мортон, когда мы вернулись после пат-

рулирования, в ходе которого «Уаху» провела свою знаменитую рекогносцировку гавани Вевак. А прозвище «тихая служба» несло в себе некоторую таинственность и некое очарование для широкой публики, которая фактически ничего не знала о подлодках. При этом оно способствовало созданию представления о подводниках как о суровых, молчаливых людях иной, чем прочие, породы, и это, конечно, было ошибкой.

Для меня служба подводника не была зловещей ни в каком смысле. Да, пришлось пережить ужасные моменты, пройти через ад, но все-таки создаваемый вышеупомянутым определением имидж вводит в заблуждение. Подводники молчаливы больше в силу необходимости, чем по своей природе. Но в каждый отдельный момент обстановка на борту субмарины столь же похожа на фарс, как и на трагедию. У подводников прекрасно развито чувство юмора – без этого им не обойтись. Я вообще считаю, что слишком мало сказано о чувстве юмора американцев, проявившемся во время войны. Это было своего рода нашим секретным оружием. Я помню, как читал перехваченное донесение японской патрульной субмарины в районе Пёрл-Харбора 7 декабря 1941 года. Ее офицеры решили, что попали в окружение вражеских подлодок. Они ударились о дно где-то в районе Гавайских островов, и у лодки стал такой ужасный угол крена на одну сторону, что ее галюны переклестнули через край и нечистоты залили каюты. В донесении говорилось, что японские моряки провозгласили славу императору, прежде чем предстанут, по их выражению, пред ликом смерти. Они были убеждены в том, что вот-вот будут уничтожены. На самом же деле на обозримом расстоянии не было никакого врага, когда они представляли пред ликом смерти, поэтому они благополучно вернулись в свою империю.

Американский экипаж, попадая в критическую ситуацию и находясь по колено в дерьме, уж точно не славил Франклина Делано Рузвельта и не думал о лике смерти. Подводники шутили на этот счет, как это делал капитан Уорс Скэнлэнд, когда точно такой же случай произошел на борту «Хокбилл» в 1944 году.

Когда Булл Райт после своей первой успешной атаки в качестве командира «Стерджен» отправил свое известное донесение: «Стерджен» уже больше не девственница» – это был не просто каламбур. Когда Ред Коул, страдавший от недостатка туалетной бумаги на борту «Скипджек», направил возмущенное послание по радиотелеграфу, обрисовывая процесс возникновения чрезвычайной ситуации и детально передавая область применения необходимого материала, это было чем-то большим, нежели просто веселое отстукивание слов по красной ленте. Такие случаи свидетельствовали о здоровом психическом состоянии, характерном для всех наших вооруженных сил, но особенно широко присущем подводникам.

Суровые военные истины не тот заряд энергии, который поддерживает моряков в их деле. Они не снимают напряжение; они его нагнетают. По мере того как ситуация ухудшается, замечаешь, что вся команда лодки до предела напряжена. И вдруг случится что-либо действительно смешное, и лица людей светлеют. Так произошло на «Поллак» однажды ночью, когда вахтенный нечаянно прищемил зад нашему капитану. Об этом инциденте будет упомянуто ниже.

А на «Уаху» зубной протез немолодого уже добровольца-подводника по имени Уэч помог справиться с особенно тяжелой ситуацией. Мой самый близкий друг среди офицеров этой первоклассной подлодки вспомнил о нем более чем десять лет спустя, когда мы предавались воспоминаниям. Уэч был по меркам подводников стариком, ему было около сорока, и он впервые участвовал в патрулировании. «Уаху» удачно завершила операцию в районе острова Хонсю, и лодка на большой глубине бесшумно удалялась от берега. Все знали, что японские подводные охотники рыскали неподалеку. Роджер в носовом торпедном отсеке разговаривал с Уэчем, когда с самолета была сброшена глубинная бомба одной из новейших моделей. Уэч тогда в первый раз познакомился с глубинной бомбой вообще, не говоря уже об этой новинке. Он опешил, прервав на полуслове речь и застыв с открытым ртом и выпучен-

ными глазами. Его верхний зубной протез соскочил и опустился на нижний. Роджер рассказывал, что вид этого ошеломленного подводника был настолько уморителен, что смотреть на него без смеха было невозможно. Не обращая внимания на разрывы глубинных бомб, все находившиеся в этом помещении подводники сложились пополам, покатываясь со смеху.

Я не знаю такого человека среди подводников, у которого за время войны не обострилось бы чувство юмора. Нам оно было необходимо для выживания. Во время второго патрулирования на «Уаху» мы на протяжении нескольких недель шли с торпедой, застрявшей в торпедном аппарате, и постепенно ожидали, что она в любой момент взорвется и разнесет нас на куски. Ставший привычным ритуал, состоявший в том, чтобы каждую ночь спускаться к торпедному аппарату, прикладывать к нему ухо и склоняться в молитвенном поклоне, был, конечно, глупым и все же делал ситуацию сносной.

Более того, я верю, что именно юмор помогал нам поддерживать дисциплину, не формальную, а истинную. Ведь цель дисциплины в том, чтобы добиться организованности, чтобы подразделение действовало эффективно, как единое целое; тут нет другой обоснованной цели. А дисциплина, не разбавленная юмором, создает ужасное напряжение в команде, которое сводит на нет преследуемую ею цель. Вахтенный, нечаянно прищемивший офицера и получивший в ответ язвительное замечание вместо строгого выговора, будет особенно старательно отдавать честь капитану и, что более существенно, станет выполнять его приказы с большим рвением в критической ситуации.

Отчасти причина необыкновенно высокого морального духа в нашем коллективе, как я уже отмечал, заключалась в его малочисленности. Когда «Стингрэй» совершила один из самых выдающихся подвигов по спасению во время войны, вытащив американского летчика из-под обстрела вражеских пушек, когда тот ухватился за перископ уходившей под воду субмарины, для меня это означало нечто большее, потому что командиром «Стингрэй» был мой старый друг Сэм Лумис. О фантастических подвигах Дика О'Кейна на «Тэнг» с восхищением говорил каждый, кто служил с ним на «Уаху». Когда я стал командиром «Флэшер», субмарины, которой выпадет слава потопить больше вражеских грузовых судов, чем кому-либо еще во время войны, я уже знал о выдающемся рекорде, поставленном лодкой под командованием моего хорошего друга Рубина Уитикера, и слышал историю о разговоре Рубина с Буллом Райтом в ночь, когда был атакован Пёрл-Харбор. Рубин служил тогда старшим помощником на «Стерджен», и, когда будоражащее донесение поступило на находившуюся на Филиппинах «Стерджен», он ворвался с ним в каюту Булла. Но капитан после затянувшейся допоздна вечеринки был в некотором роде «вне игры». Все, что смог сделать Рубин, так это растряссти его до полусонного состояния. Булл выслушал донесение.

— Ладно, Рубин, — сказал он, — возьми это на себя. — Затем он что-то сонливо пробормотал и повернулся на другой бок, удовлетворенный, по крайней мере, на данный момент тем, что его старпом сможет уладить такую мелочь, как война.

В дозоре мы читали доклады с других подлодок, а на берегу говорили об этом. Говард Гилмор, который отдал жизнь за «Гроулер», приказав ей идти на погружение, в то время как сам он, тяжело раненный, висел на капитанском мостике; Честер Смит с «Суодфиш», сопроводившей корабль «Президент Кесон» у берегов Филиппин, Джо Инрайт с «Арчерфиш», потопившей крупнейший из когда-либо потопленных субмариной военный корабль; Джин Флаки, который использовал свою «Барб» для артобстрела вражеского побережья, так же как и для потопления вражеских кораблей, — мы знали их всех или же знали кого-то, кто их знал.

Мой собственный опыт военного времени приобретен в несении дозорной службы на «Уаху», «Поллак», «Хокбилл» и «Флэшер». У каждой лодки своя отличительная особенность и своя незабываемая команда, и никогда ни одно из девяти патрулирований, совершенных мной на этих четырех подлодках, не завершалось безрезультатно. Мне очень повезло, что на пике своей карьеры я познакомился с великолепным Дадли Мортонем, что на моих

глазах Дик О'Кейн повысил боеспособность своей команды, за что был удостоен медали «За боевые заслуги», и плечом к плечу сражался со многими другими, столь же доблестными людьми. Становление некоторых из них произошло в мирный период до нападения военного флота Японии на США.

Как только мы заходили на большую военно-морскую базу, такую, как Пёрл-Харбор, слышали от представителей других родов войск разговоры о «вундеркиндах за 90 дней» и «мальчиках из училищ», в которых явственно слышались зависть и враждебность, иногда возникавшие между резервистами и кадровыми военными. Таких отношений никогда не было на подлодках, на которых я служил. Я теперь едва ли смогу вспомнить, кто из моих бывших товарищей по оружию был и кто не был выпускником военной академии. Я думаю, что на «Флэшер» из девяти офицеров помимо меня были два выпускника школы в Аннаполисе. Конечно, в качестве инструмента проверки способностей офицера уровень академии не был решающим фактором. Конечно, кадровые офицеры лучше знали служебные обязанности, но резервисты были более инициативны и способны воспринимать неортодоксальные идеи. И в самом деле многие нововведения, появлявшиеся в ходе боевых действий, зарождались у людей, воображение которых не было ограничено рамками традиционных концепций морского боя, преподаваемых в военно-морских высших учебных заведениях.

Был еще и некий моральный аспект, касающийся нашей подводной службы. Мы участвовали в такого рода войне, к которой наши собственные семьи еще с Первой мировой питали отвращение. Ведение подлодками войны без ограничений было синонимом бесчестия в дни самого пика развития германского подводного флота, и даже при том, что тотальная война охватывала нас со всех сторон в дни после Пёрл-Харбора, время от времени кто-нибудь ставил вопрос о совести.

Поскольку делалось различие между злом, которое несет война, ведущаяся подлодками, и другими формами вооруженного конфликта, никто из нас не тревожился по поводу отведенной нам роли, хотя, может быть, был недоволен мнением друзей по этому поводу. Коль скоро вы начали политику тотальной войны, тот, кто открывает огонь по безоружному торговому судну из подводного положения, конечно же заслуживает не большего порицания, чем тот, кто сбрасывает на него бомбы сверху. И мы не играли роль монстров, безнаказанно наносящих удары по врагу; обычно всегда были корабли сопровождения, следовавшие сзади или бросавшиеся в гущу боя. Человеческие потери оказались достаточно велики для того, чтобы установить тот факт, что субмарины подвергались опасности большей, а не меньшей среднего уровня.

Во время самой войны совесть меня не беспокоила. Мы знали, что на борту всех торпедируемых нами кораблей находятся люди, но в силу некой метаморфозы, которая происходит во время боя, думали о них не как об отдельных личностях – думать так было бы просто невыносимо, – но как о «противнике». Неясная, неопределенная эмоциональная установка, которая не сводится к глядящей на вас паре глаз.

Для меня и, как я думаю, для любого проще руководствоваться разумом, чем эмоциями. Мне приходилось временами испытывать приступ боли, скорее сожаление, чем угрызение совести, за таких же моряков, которых потопили. Однажды ночью, когда мы подкрадывались к одиночному поврежденному грузовому судну после того, как на глазах его экипажа все остальные суда конвоя один за другим были пущены ко дну, я испытал нечто вроде жалости к капитану этого оставшегося корабля, человеку, который собрал все свое мужество и отвагу в тщетной попытке спастись от нас бегством, но мое чувство не было достаточно глубоким. Ведь если бы оно было таковым, я, безусловно, закончил бы войну в госпитале, обратившись за помощью к психиатру.

Но был один случай во время шестого выхода «Флэшер» на патрулирование, который я никогда не забуду. Мы заметили довольно большой сампан, открыли по нему артиллерий-

ский огонь и подожгли в пределах видимости суши и, после того как, по-видимому, весь экипаж покинул судно, пошли к его борту, чтобы завершить дело, бросив ручную гранату. Том Маккэнтс поднялся на нос «Флэшер» с гранатой. Том бросил ее с таким расчетом, чтобы она попала в трюм и пробила днище.

Когда раздался взрыв, из-за кормы выпрыгнул человек. Он прятался за планширами. Окровавленный, в лохмотьях, прежде чем покинуть сампан, он посмотрел на меня, стоящего на мостике. Он посмотрел мне прямо в глаза, и его пронзающий взгляд был полон укора. В тот миг война вдруг стала невыносимо личным делом. Я отмахнулся от этого ощущения, но оно запало в глубину моего сознания, и, хотя, чтобы пустить корни, ему потребовалось всего мгновение, оно стало разрастаться вовсю. Не одну ночь я думал об этом бедном человеке, который, вероятно, даже не был японцем и, пожалуй, вовсе не участвовал в войне, зато сампан, несомненно, был средством существования этого человека и его товарищей, которого мы их лишили. Обо всем этом сказал мне его сверкнувший взгляд и оставил в моей душе глубочайший след в память об этой войне.

Но, несмотря на это, я не чувствую своей вины, и, думаю, было бы ошибкой испытывать это чувство. Несомненно, случись все это снова, я поступил бы так же.

Когда дело касается войны, мы все грешны, и тот, кто стреляет, не более тех, кто платит налоги, или покупает облигации военных займов, или жертвует слоеный пирог для Объединенной службы организации досуга войск. Но все равно мне жаль, что пришлось стать машиной этого ужасного разрушения. Подобно многим другим ветеранам, глубокой ночью лежа в постели без сна, иногда думаю обо всех умерших, о своей роли в этом, и мне очень хочется, чтобы ничего такого не было.

Но даже на подводных лодках большую часть времени экипаж проводил не в боевых действиях. Случалось, мы сутками и более находились на военно-морской базе, прежде чем уйти в боевой поход, который мог длиться днями или неделями. Но эти периоды были несоизмеримо короче проведенных в несении дозорной службы. Благодаря этому мы, наверное, сумели остаться людьми. Со временем я полюбил те стороны жизни на подлодке, которые ничего общего не имели с потоплением кораблей.

Из всех моих обязанностей в военное время наиболее приятными и интересными были обязанности штурмана. Я любил управлять подлодкой. Было что-то почти сладостно приятное в том, с какой точностью и безошибочностью вы определяете свое местоположение в этих бескрайних просторах океана, определяя высоту звезд, используя красивый хронометр, чтобы получить точное местоположение корабля. Это так захватывающе – подняться на поверхность в дневное время, вычислить положение Венеры, посмотреть в том направлении на небо и увидеть тусклую маленькую светящуюся точку, по которой вы можете зафиксировать свое местоположение. После многих дней пути в открытом море опытный штурман может сказать: «Сегодня в шесть часов мы увидим такой-то и такой-то остров», и, мой бог, когда это время наступает – вот он тут как тут. Не часто встречаются ситуации, когда затраченные усилия приносят в награду такой конкретный результат.

И было странное спокойствие, основанное, как ни парадоксально, на ощущении того, что задание по патрулированию выполнено, и выпадало это на дни, когда мы возвращались в порт. Обычно мы шли на базу с убеждением, что хотя и могли бы действовать лучше, но все же не потерпели неудачу и потрудились не напрасно. И по этой причине мы могли стоять на мостике, на какое-то время забыв о войне. Если мы на пару дней уходили из акватории противника, то оказывались в относительной безопасности; всегда существовала вероятность того, что нас прикончит вражеская подлодка, но она была далеко, а пока мы были настороже, опасность стать жертвой самолетов была ничтожна.

Если вы когда-нибудь наблюдали, когда подводная лодка появляется на поверхности и вода переливается через ее рубку, пока она становится на ровный киль, вас, может быть,

посещало странное ощущение единения между подводником и водой, которая вокруг него. Подводная лодка очень близка к океану. Она скользит по нему спокойно и мощно и в большей степени сливается с водой, чем любой другой известный мне корабль. Когда стоишь на ее мостике в закатный час, смотришь, как солнце отступает за горизонт, и предвкушаешь маленькие удовольствия комфорта, безопасности, испытываешь удовлетворение от проделанной работы. Все это согревает душу и незаметно приводит в возбуждение.

Все это еще было у нас впереди, когда мы были приведены в замешательство в дни и ночи, проведенные нашей дивизией подводных лодок у берегов Сан-Диего. Мы даже еще по-настоящему не стали частью драмы, уже развернувшейся на Тихом океане. Но наше приключение служило определенной цели. Оно занимало нас, но не наносило вреда, и, возвратившись в порт, мы были готовы успокоиться.

Энн все еще оставалась в Сан-Диего, что было как бальзам на душу многим офицерам дивизии. Жены всех других подводников упаковали вещи и уехали, пока мы были на патрулировании. Я полагаю, что уехать им посоветовали мужья, и в Коронадо, расположенном от Сан-Диего с противоположной стороны залива, практически все дома были выставлены на продажу. На меня мои товарищи смотрели как на отвратительное доказательство того, что недалекость иногда вознаграждается.

Мы возобновили нашу учебную программу, проходили месяцы, жены стали потихоньку возвращаться, и цены на недвижимость в Коронадо подскочили. И наконец, в марте 1942 года я был откомандирован на подводную лодку «Уаху», строящуюся тогда на верфи на Мэри-Айленд в Калифорнии. Энн на этот раз поехала домой – ее мать была в критическом состоянии, и я сказал дивизии подводных лодок «прощай» и убыл на «Уаху».

Глава 2 ПОДГОТОВКА

Единственным офицером, прибывшим раньше меня, был Роджер Пейн, тремя годами раньше выпущенный из Военно-морской академии. Это был спокойный темноволосый дружелюбный человек, которому предстояло стать артиллеристом и торпедистом. Мы оба перешли на «Уэйл», подлодку, прибывшую в соответствии с графиком раньше, чем наша, и познакомились с ее экипажем. Некоторые из его членов отсутствовали: они вышли в боевом патрулировании и только после этого вернулись на «Уэйл», и в последующие дни мы при каждой возможности старались послушать, что они рассказывали. Это были боги бригады подводных лодок на Мэри-Айленд – они встречались с противником.

Командовал лодкой капитан-лейтенант Марвин Кеннеди, высокий, худощавый человек с рыжими волосами, румяным лицом и с прекрасной репутацией способного руководителя, командовавшего хорошо отлаженным кораблем. Старшим помощником капитана был молодой человек, произведший на меня впечатление человека чрезмерно болтливого и неуравновешенного. Его звали Дик О'Кейн. Прежде он служил четвертым или пятым помощником на «Аргонавте», самой большой из когда-либо построенных довоенных подводных лодок. Дик был приятным в общении и трудолюбивым офицером, внимательным к мелочам, но не от мира сего. И все же мы с удовольствием слушали его рассказы об «Аргонавте». Это был минный заградитель, если он и не потопил никаких вражеских судов, то он их встречал, а для нас это кое-что значило. Дик сказал, что он предлагал командиру «Аргонанта» запросить добро на то, чтобы отправиться к берегам Японии для постановки мин у ее побережья, и тут же нетерпеливо добавил, что его советы были проигнорированы. Этот рассказ лишь укрепил наши сомнения относительно нового старпома. Теперь я думаю, что его предложение о постановке мин было дельным, но в то время для всех нас оно казалось явным признаком безрассудства. Сомневаюсь, что кто-нибудь из нас поверил бы тогда, что Дик в этой войне удостоится медали «За боевые заслуги» – рекорда почти недостижимого в военное время на службе в подводном флоте.

Я был третьим после О'Кейна помощником командира «Уаху». Роджер Пейн – четвертым, а вирджинец Хэнк Хендерсон – следующим по очереди. Позднее к нам пришел Джек Григгс, ставший моим помощником, а самым младшим из прибывших офицеров был Джордж Миш.

Наша обязанность, до того как «Уаху» была спущена на воду, состояла в том, чтобы наблюдать за ходом ее строительства. Процесс строительства лодки сильно отличается от сборки автомобиля. Хотя чертежи составлены безупречно, каждая подлодка все равно имеет индивидуальность. Изменения на основании приобретенного в бою опыта вносятся постоянно. Кораблестроительный завод на Мэри-Айленд конечно же соорудит военно-морского флота, и лодка строилась ВМФ. Строители осознавали ответственность за лодку, но они не собирались на ней воевать. Воевать предстояло нам, и мы хотели убедиться в том, что субмарина построена так, как следует. Более того, нам хотелось знать, как она была построена, вплоть до последнего винтика, с тем чтобы в случае неполадок знать, что вышло из строя и в каком месте.

Моряк-подводник, будь то матрос или сам командир, знает свою лодку так же хорошо, как пехотинец свою винтовку. Подводники-добровольцы, каждый матрос и офицер, прежде чем они будут приняты на службу, проходили исключительно жесткое тестирование. Кандидата, например, спрашивали, как перекачать горючее из носовой дифференциальной цистерны в уравнивательную цистерну, как продуть воду из труб носовых торпедных аппаратов, и даже

о том, как промыть галльон дифференциальным насосом. И если вы думаете, что такую пустячную вещь, как промывание галльона, сделать ничего не стоит, позвольте мне процитировать инструкцию по его промыванию на подводной лодке «Уаху».

«Прежде чем пользоваться, убедитесь, что откидной клапан «А» закрыт, задвижка клапана «С» в отводной трубе по линии подачи открыта, клапан «D» по линии подачи воды открыт. Затем откройте следующий за бачком клапан «Е», чтобы пустить необходимое количество воды. Закройте клапаны «D» и «Е». После использования потяните за рычаг «А», отпустите рычаг «А». Откройте клапан «С» по линии подачи воздуха. Подайте задвижку воздушного клапана «F» к борту, чтобы загрузить мерительный сосуд до десяти фунтов выше давления на уровне моря. Откройте клапан «В» и подайте задвижку воздушного клапана от борта, чтобы выдуть все за борт. Закройте клапаны «В», «С» и «G».

Все эти подробности были важны. Придет время, в период моей службы на другой подводной лодке, когда трудности с клапаном в носовом торпедном отсеке станут причиной одного из самых потрясающих случаев проявления мужества. О лейтенанте Рексе Мерфи будет подробно рассказано ниже.

Никогда еще в своей жизни я столько не работал, как во время строительства, ввода в строй и испытаний «Уаху». Мы проживали на втором этаже небольшого деревянного административного корпуса на кораблестроительном заводе ВМФ. Это строение постройки времен Первой мировой войны. В этом пропахшем дизельным горючим, маслом и потом усталых моряков помещении с несколькими столами, пишущей машинкой и телефоном размещался мозговой центр экипажа подводной лодки, откуда осуществлялся контроль за ее строительством.

По мере того как на борт прибывал экипаж, по несколько человек одновременно, к нашей работе добавилась обязанность его подготовки. Помимо этого, конечно, нам приходилось приводить в порядок бумаги, коды и карты и проверять каждую деталь машинного оборудования. В этот период верная служба помощника корабельного врача по имени Линде оказалась как нельзя кстати. Официальное одобрение принесло ему одно из достоинств, которое на самом деле могло бы привести его на скамью подсудимых военного трибунала, если бы оказалось в фокусе внимания компетентных людей.

Линде, необыкновенно изобретательный человек, стал нашим неофициальным поставщиком дефицитных вещей. Если нам было что-нибудь нужно и мы не могли получить это по военно-морским каналам, все, что нам оставалось, – лишь предоставить Линде свободу действий и не задавать вопросов, когда он вернется. В данном конкретном случае позарез нужна была деталь для нашего радара. Теперь трудно представить, насколько сверхсекретной была такого рода деталь в том 1942 году, а потому страшно долго длилась процедура ее получения по официальным каналам. Одна из трубок, диаметром в половину футбольного мяча, разорвалась, и нужно было ее спешно заменить, потому что мы были почти готовы к отплытию из Мэри-Айленд. Потребовались бы недели для того, чтобы достать новую трубку в обычном порядке, поэтому мы вызвали Линде, посвятили его в наши нужды и отпустили на весь день.

К ночи он вернулся с трубкой.

Позднее мы в общих чертах узнали, как он это сделал, хотя полагаю, что детали никогда не станут известны. Он добрался до склада военно-морского снаряжения в Окленде, строго охраняемого объекта, куда обычному моряку дорога была заказана, и проник на него. Он нашел нужный пакгауз и получил необходимую нам трубку. Тогда его единственной проблемой было выбраться с ней со склада.

Какому-нибудь иностранному агенту, наверное, понадобились бы месяцы, чтобы подготовить план выполнения этого опасного задания, и все равно он бы провалился. Линде про-

сто завел дружбу с водителем грузовика, возившего безалкогольные напитки, спрятал свою драгоценную трубку среди десятков бутылок кока-колы и вывез ее через главные ворота.

Все же думаю, Линде надо было бы пойти в разведку. Не потому, что он не был отличным моряком, – он им был. Но служба медицинского работника не подходила ему по темпераменту. Из-за этого ему довелось пережить мучительные страдания в третий выход на боевом патрулировании на «Уаху». Однажды на палубе разорвался 20-миллиметровый снаряд и сильно покалечил ногу моряку. Линде позвали, чтобы произвести ампутацию стопы. Он уединился со своим пациентом, долго не выходил, потом вернулся.

– Я не могу этого сделать! – Его душили слезы. – Я не могу этого сделать!

В конце концов он, конечно, сделал операцию, используя инструмент, похожий на клещи, но наш хирург испытал большую боль, едва ли не большую, чем пациент. Линде был прекрасным бойцом, но не мог выносить вида крови.

Наконец «Уаху» была готова к выходу в море.

Каждый из нас испытывал сильное напряжение. Мы были измотаны сверхурочной работой, неделями недосыпали и постоянно жили с мыслью о том, что впереди нас ожидает великое неведомое. Прошлой ночью, до того, как покинули кораблестроительный завод ВМФ, завершив приемные испытания, мы пришвартовались к причалу в Сан-Франциско, и напряжение оказалось слишком велико для нашего рулевого.

Может быть, мне следует сказать, что процедура снятия напряжения была достойна осуждения. По мере того как приближался день нашего отбытия, моряки вовсю использовали редкую возможность расслабиться – сходили на берег, чтобы накачаться спиртным. В тот вечер рулевой, огромный мускулистый матрос по имени Морган, по ошибке расслаблялся в то время, когда должен был нести вахту на палубе.

Я спал сном вымотавшегося человека, когда услышал, что спустился посыльный и попытался разбудить Дика О'Кейна. Дик и я делили одну каюту, размером примерно с купе пудмановского спального вагона, в которой было три койки. Дик все не просыпался, а я не мог уснуть до тех пор, пока посыльный не утомится, и сел на койке и спросил его, что случилось.

– Морган на палубе, сэр, – доложил он нервно, – и он стреляет по фонарям на причале из своего «сорок пятого».

Дик продолжал храпеть.

Усталый, злой и несколько встревоженный, я вылез и поднялся на палубу. Морган и в самом деле размахивал своим кольтом, как маленький мальчик водяным пистолетом. Я попытался к нему приблизиться.

– Морган, – сказал я, – отдай мне револьвер.

Он помахал оружием в моем направлении и зверски посмотрел на меня, прямо как киношный злодей.

Я попытался обойти его сбоку, полагая, что если он и в самом деле целится в меня, то смогу столкнуть его за борт и прыгнуть вслед за ним. В Аннаполисе я был в команде пловцов и в тот момент в воде чувствовал бы себя увереннее.

Но кризис, похоже, миновал. Морган примерно через минуту отдал свой револьвер, и я велел ему идти вниз, надеясь покончить с инцидентом.

Но это не удалось. Он направился прямо в столовую команды, которая на подлодке что-то вроде клуба, где в любое время за чашкой кофе сидит компания из двух-трех моряков. Он нашел слушателей и стал разглагольствовать о том, что «Уаху» – вшивая лодка, военноморской флот – никудашный род войск, а все, кто там служит, – неудачники, и причислял к прочим себя самого. Я вернулся и велел ему уйти. Через несколько минут он вернулся, громко бранясь. Я позвал посыльного, который разбудил меня, и распорядился:

– Доставай наручники.

Мне не доводилось видеть, чтобы на подводников надевали наручники. Но до смерти надоело слышать голос Моргана. Я вывел его на палубу и приковал наручниками к радиомачте, которая высилась на юте, вскрыл пожарный шланг, прикрепил его к насосу и приставил посыльного к шлангу.

– Если только он откроет рот, – сказал я, – направь на него шланг.

Затем я спустился вниз, намереваясь поспать часок, после чего вернуться и отправить Моргана спать.

Проснулся я в семь утра.

Соскочил с койки и бросился на палубу. Морган кулем лежал на палубе перед радиомачтой, руки его распухли и стали вдвое толще. Перед моими глазами пробежали строчки из устава военно-морских сил, особенно те, что требуют распоряжений командира и принятия различных других мер предосторожности, прежде чем надевать на кого-либо наручники. Обуреваемый ужасом, что моя карьера на флоте закончится, не успев толком начаться, я в считанные секунды освободил Моргана от наручников.

– Ну, – сказал я, пытаюсь придать своему голосу властный тон, – думаю, ты получил урок, не так ли?

– Так точно, сэр! – У бедного парня было жуткое похмелье.

– Ладно, Морган, – миролюбиво произнес я. – Я ничего не скажу об этом командиру.

Я, конечно, надеялся на то, что и Морган об этом ничего не скажет, и, когда наши глаза встретились, мы нашли взаимопонимание и согласие, тем самым избежав многих неприятностей. Несколько месяцев спустя, во время нашего второго боевого патрулирования, когда он фактически спас лодку, проявив почти нечеловеческую силу, я оценил его необычайно крепкие мускулы в гораздо большей степени, чем в ту ночь на палубе.

Из Сан-Франциско «Уаху» пошла в Сан-Диего, на интенсивную боевую учебу. Мы пускали торпеды, учились приближаться к выбранным для атаки судам и в режиме, от которого бы не выдержало сердце и у Геркулеса, тренировали экипаж «Уаху». Кеннеди был взыскательным и безжалостным командиром. Он требовал, чтобы каждый на борту выкладывался полностью, и добивался этого, потому что мы понимали важность обучения. Мы уже говорили друг другу, что, когда выйдем в море, наша подводная лодка будет самой результативной в этой войне субмариной. Но это был изматывающий период для наших семей и для нас.

Возвратилась Энн. Она и Билли были со мной на Мэри-Айленд в последние несколько недель, а теперь они присоединились ко мне в Сан-Диего. Они опять остановились в Коронадо вместе со множеством других жен подводников, и все они беспокоились и пребывали в напряжении, видя, как мужья, которые вот-вот их покинут, с каждым днем становятся все более измученными и раздраженными. Должно быть, всем женам было трудно поддерживать спокойную обстановку, пока мы были на берегу. Помню, как однажды вечером пошли в ночной клуб и я подрался с метрдотелем просто потому, что мне показалось, будто он ударил собаку. Мы были в крайней степени усталости от всего: учений, длившихся весь день напролет, и работы ночью, если это было необходимо для устранения дефектов, обнаруженных днем, так как мы знали, что если заранее не приведем все в безупречное состояние, то, когда отправимся в боевой поход, делать это будет слишком поздно.

Мы устали до такой степени, что это привело к затоплению артиллерийского погреба – казусу, который вполне мог стать уникальным в истории субмарин. Мы тогда были пришвартованы к причалу в Сан-Диего со всем боекомплектom на борту, а произошло это всего за день до нашего предполагаемого выхода в море.

Артиллерийский погреб был оборудован системой затопления на случай пожара для предотвращения взрыва. Кто-то по ошибке открыл не тот клапан.

Утром мы обратили внимание на то, что лодка сидит в воде примерно на шесть дюймов глубже, чем следовало бы. Понадобилось не слишком много времени, чтобы выяснить причину. Затем мы столкнулись с щекотливой проблемой, кому идти и сказать об этом Пинки. После того как был брошен своеобразный жребий, при котором, как я полагаю, не обошлось без жульничества, эта задача выпала мне.

Командир, столь же усталый, как и все мы, давно был известен совершенной нетерпимостью к проявлениям небрежности. Мы не знали, что он скажет, но были готовы принять на себя громы и молнии. Я посмотрел на коллег-офицеров с горьким укором, вышел вперед и отдал честь.

– Доброе утро, командир, – сказал я, думая, как бы мне перейти к сокрушительной новости.

– Доброе, Грайдер. – Он был раздражен и нетерпелив.

– Командир, – выпалил я, напрочь отбросив уловки, – разрешите доложить, что артиллерийский погреб затоплен.

Если бы речь шла о менее катастрофичной ситуации, Пинки, наверное, устроил бы разнос нам всем. Но затопленный погреб боеприпасов – такой из ряда вон выходящий случай, такая невероятная вещь, что вызвала обратный эффект.

– Ну хорошо, – сказал командир бесстрастным тоном человека, разговаривающего во сне. – Давайте будем откачивать воду.

Возможно, ему понравилось разнообразие в надоевшем перечне дел.

Мы приготовили пожарные насосы и откачали воду. Затем нам пришлось вытаскивать боекомплект каждого калибра – каждый 50-, каждый 20-, каждый 4-дюймовый снаряд – и высушивать их, и высушивать патронные ящики, в которых находились тяжелые снаряды, а затем возвращать все это на место. Работа заняла примерно полтора дня, и мы проделали ее, ни на минуту не отрываясь от графика. Когда через пару дней мы отбыли из Сан-Диего, были сухими, хорошо вооруженными, хорошо подготовленными и ходили, едва не засыпая на ходу.

Никто не обсуждал этого в то время, но что в высшей степени занимало наш ум, что проявилось в последующих разговорах – это страх. Не столько боязнь противника, как боязнь того, что мы окажемся трусами. Я не понимаю, как человек может говорить о том, храбр он или нет, до тех пор, пока не попадет под обстрел, а в тот период вряд ли кто из нас под него попадал.

В тот последний период учебы я вновь и вновь спрашивал себя не о том, буду ли убит или ранен, а о том, не испугаюсь ли я. Я уже до смерти боялся того, что, когда полетят глубинные бомбы или возникнет какая-нибудь еще чрезвычайная ситуация, я запаникую и не смогу выполнять свои обязанности. А обязанностей у каждого моряка на подводной лодке множество. В моем случае, в качестве офицера погружения, я отвечал за дифферент лодки, за погружение, за поддержание ее нейтрального надводного положения за счет изменения количества воды в балластных цистернах. Эти задачи требуют живости ума и большого хладнокровия. Однажды у Сан-Диего, ослабевший от напряжения, к утру я был просто не способен вычислить утренний дифферент. Я был слишком вымотан для того, чтобы произвести самые элементарные подсчеты. Ну а что будет, подумал я, если к смертельной усталости добавятся все стрессы и эмоциональные нагрузки при атаке?

Нервным перенапряжением, как я полагаю, и объясняются проявления необузданного веселья – чуть ли не безумные выкрики и истерический смех после завершившегося победой столкновения с противником. Похоже, это такая форма поздравления самого себя: каждый испытывает облегчение и торжествует, что не оказался трусом.

В период нашей учебы, когда нам доводилось общаться с подводниками, ходившими в боевые походы, и слышать о случаях, когда они попадали под глубинные бомбы или пускали торпеды по врагу, сердца наши наполнялись завистью. Мы не подавали виду, что это произвело на нас впечатление, и приходили в бешенство от снисходительности, с какой они говорили. Бог мой, я думал, что, если когда-нибудь окажусь на лодке, которая потопит вражеское судно, получу удовлетворение на всю жизнь. А они говорят об этом как о чем-то обыденном!

Ко всем этим поискам себя добавлялось естественное беспокойство за жен и семьи, обреченные на мучительное ожидание, и наша озабоченность относительно их будущего. В те первые месяцы мы испытывали гнетущее чувство, что никто не вернется назад. Сплошь и рядом оно находило яркое выражение. Помню одного моряка, который, отбывая, протянул жене запечатанный конверт с пометкой сугубо пессимистического характера: «Вскрыть после моей смерти».

Бедная женщина вскрыла его в тот же день, что вполне естественно, и нашла там подробные указания о том, как ей следует дальше жить, как растить оставшихся без отца детей, и наказ вспоминать о нем в годы вдовства. Сомневаюсь, что это пошло на пользу ее моральному состоянию. Ее муж, между прочим, вернулся с войны невредимым.

В дальнейшем чувство, что это будет армагеддон, исчезло. После того как я совершил первый и второй свои боевые походы, уже редко думал, что погибну. Не думали так и другие моряки, и полагаю, что так не думали и наши жены. От необоснованного пессимизма мы перешли к столь же необоснованному оптимизму. Но это пришло позднее; а когда мы покинули Сан-Диего и легли на боевой курс, мы были суровым и имевшим определенный психологический настрой экипажем. Мы сказали наше последнее прости. Мы были брошены в неизвестность.

Еще одна и более крупная неизвестность оставалась запертой внутри нас. Ключ находился где-то в южной части Тихого океана.

Глава 3

АТАКА

Все, что осталось от первого потопленного нами судна, – это легкая струйка дыма и темный силуэт на горизонте. Это было примерно через месяц после того, как началось наше первое патрулирование, и через две недели после того, как мы упустили нашу первую цель.

«Уаху» прибыла в Пёрл-Харбор в начале августа и оставалась там две недели на время интенсивной боевой учебы. Затем, до конца месяца, мы отбыли, получив приказ следовать к Каролинским островам, в частности островам Трук, по-видимому считавшимся тогда наиболее опасным бастионом японцев на Тихом океане и ключевым морским оборонительным рубежом на востоке.

Стоит ли говорить, что наше представление о том, что должна делать субмарина в боевом патрулировании, коренным образом изменилось после бомбардировки Пёрл-Харбора? Большая часть наших довоенных учений проводилась с тем расчетом, что подлодка будет выступать в роли разведчика, следующего впереди надводного линейного флота, – стереотип мышления, родившийся под влиянием Ютландского сражения¹ в Первую мировую войну. Считалось, что главная функция подводной лодки состоит в том, чтобы следовать впереди флота приблизительно на день пути, обнаружить противника, послать об этом донесение и атаковать во взаимодействии с нашими собственными силами. Однако после того, как наш Тихоокеанский флот был частично потоплен, частично выведен из строя в Пёрл-Харборе, стало очевидным, что такого рода стратегия не годится. У нас не было флота. К тому времени, как «Уаху» вышла на свое первое патрулирование, стратегией стала неограниченная свобода атаковать и топить любые вражеские плавсредства, будь то военные корабли или торговые суда. Собственно говоря, события показали, что это была, несомненно, самая важная функция из тех, которые могла выполнять подводная лодка.

Наша миссия в этом походе состояла в том, чтобы проследовать в назначенный район у островов Трук, нести там патрулирование и топить все попадающиеся японские плавучие средства. Мы знали, что острова Трук – горячая точка, и считали, что нам оказали честь, послав туда; мы проводили учения на грани нервного срыва и были чрезвычайно взвинчены к тому времени и отбыли из Пёрла на свою первую боевую операцию. Это время наступило. Вот оно. Враг был впереди.

Но в боевые действия мы вступили не так скоро, как полагали. В течение шести дней, пока мы приближались к месту назначения, ничего не происходило. На седьмой день наш радар засек самолет, и мы так резко пошли на погружение, что никто из нас даже не успел разволноваться. Еще дважды в последующие три дня мы погружались, чтобы уйти от самолетов; затем, на двенадцатый день, прибыли в намеченный район и начали поиск противника.

Многие дни бездействия начали сказываться на нашем настроении. Мы становились раздражительными, не уверенными в себе, чувствовали неловкость относительно нашего предназначения и способности выполнить его. Но такого рода настроения исчезли на четырнадцатый день. После двух недель ожидания мы увидели свою первую цель.

Это было небольшое грузовое судно типа «Хиого Мару», находившееся на расстоянии пятнадцати миль от островов Трук, державшее курс на Пиаану-Пасс, который у наших ВМС был известен как Пьяно-Пасс. Был предрассветный час, и мы несли дозор в надводном поло-

¹ Ютландское сражение – крупнейшее морское сражение всех времен и народов.

жении, заряжая аккумуляторные батареи. Наконец у меня появилась возможность испытать себя в качестве офицера погружения в боевых условиях.

Представьте себе два маленьких помещения, одно на другом, и застекленную террасу поверх каждого из них, и вы получите представление о нервном центре подводной лодки во время боевого патрулирования. Эта застекленная терраса – мостик, на котором находятся вахтенный офицер и его вахтенные сигнальщики, когда подлодка в надводном положении. Прямо под ней – боевая рубка, крохотная вспомогательная кабина, сооруженная над главной кабиной лодки, около шестнадцати футов длиной и восьми футов в поперечнике, из которой осуществляется контроль за всеми системами корабля, обеспечивающими управление им и его функционирование в подводном положении. А прямо под боевой рубкой находится чуть большее помещение центрального поста, из которого ведется управление подводной лодкой.

В момент боя фактически все офицеры, кроме офицера погружения, собираются в боевой рубке. Офицер погружения остается в центральном посту, в футах от трапа, ведущего в боевую рубку, и выполняет команды, которые дает командир.

Сигнал на первое боевое погружение «Уаху» поступил с мостика: два громких низких звука ревуна. Резкие «оога, оога!» достигли каждого уголка лодки. Этот звук, каждый раз, когда вы его слышите, заставляет ваш позвоночник вибрировать, а на этот раз при этом звуке у меня пересохло во рту. Я оглядел заполненное маленькое помещение и подумал: «Догадываются ли моряки, которыми я команду, как я нервничаю?» В тот первый момент мне не приходило в голову, что они тоже должны были нервничать.

Место старшины трюмных машинистов было у гидравлического трубопровода, ведающего открытием и закрытием клапанов. Как только прозвучала тревога, он по приказу командира сразу же взялся открывать клапаны всех необходимых цистерн. Прямо перед ним, на уровне лица, была «рождественская елка», пульт с красными и зелеными огоньками, обозначающими каждое необходимое открытие заслонок балластных цистерн.

Все это заняло секунды, в отличие от двух-трех минут, которые требовались для этого в довоенные дни на «Скипджек». Весь процесс был доведен до совершенства. Пока главный открывал клапаны, двое вахтенных прибежали, скатившись по трапу, чтобы занять свои места рулевых горизонтальщиков, управляя большими лопастями на носу и корме, подобно рулям высоты на самолете. Они поворачивают их, чтобы варьировать глубину лодки и угол ее погружения. Как только рулевой на носу начал грузить носовые рули, я переключил внимание на «рождественскую елку».

Требуется воздух, чтобы запустить дизельные двигатели, приводящие в движение лодку на поверхности. В подводном режиме приходится использовать аккумуляторные батареи. При сигнале ревуна к срочному погружению двигатели останавливаются в машинном отделении; теперь трюмный машинист ждет, пока индикатор покажет, что они выключены, чтобы он мог закрыть основной впускной клапан.

На «рождественской елке» зеленый свет для основного впускного клапана...

Я подождал, пока свет с красного переключится на зеленый. Глухой звук говорил мне, что входной люк рубки задраен. И знал, что старшина-рулевой Морган задраил его ручным штурвалом. Через пятнадцать секунд после того, как прозвучала тревога, все было сделано.

– Пульт зеленый, – доложил главный.

Все необходимые люки и клапаны теперь задраены. Клапан главной балластной цистерны останется открытым до тех пор, пока мы под водой. Главный механик открыл клапан носовой цистерны надводного положения и уравнительную цистерну, лодка стала тяжелой, и мы пошли на глубину.

За моей спиной матрос стоял у воздухопровода высокого давления, состоящего из ряда клапанов, контролирующих подачу сжатого воздуха для продува цистерн. Я дал ему знак, и

он под высоким давлением пустил воздух в лодку, в то время как я следил по барометру за нарастанием давления. Вскоре оболочка воздухопровода затвердела.

– Давление в лодке, командир.

– Очень хорошо. Глубина шестьдесят пять футов.

Мы опускались всего лишь до перископной глубины.

Стрелка ползла по циферблату глубиномера.

Двадцать футов... тридцать... сорок пять...

– Продуть быструю цистерну... закрыть клапан высокого давления... быстро погрузиться... закрыть клапаны главной балластной цистерны...

Над нами в боевой рубке рулевой просигналил по семафору: двигаться на средней скорости, чтобы мы могли «почувствовать» лодку. Необходимо знать, тяжелая она или легкая, идет вниз носом или кормой, придется ли вам перекачивать воду с одного конца лодки на другой, чтобы удифферентовать ее, заполнять ли водой балластные цистерны, чтобы утяжелить лодку, или, наоборот, сделать ее более легкой.

Мне следует подчеркнуть, что сама эта операция не выглядит такой драматичной, как кажется. Каждый невозмутим. Команды и ответы передаются вполголоса. Некоторые из них никогда не произносятся: слаженному коллективу достаточно жеста. Но все мы волнуемся, потому что погружение лодки требует исключительной точности. Абсолютно в порядке вещей, если во время атаки капитан прикажет офицеру погружения: «Еще на шесть дюймов ниже!»

Мы были на глубине. Теперь ожидали команды из боевой рубки, где сближение отрабатывалось так, будто это математическая задача, и у меня было время для того, чтобы успокоиться о том, что произойдет, когда мы выстрелим торпедами.

При стрельбе из носовых аппаратов нос лодки поднимается из воды. Если у цели есть эскорт, то это может иметь катастрофические последствия. Поэтому я беспокоился, смогу ли хорошо выполнить свою часть работы, и еще о том, что смогут сделать в отношении нас японцы. Моряки, в первый раз идущие в атаку, всегда наделяют противника сверхчеловеческими способностями. Пройдет много времени, прежде чем вы уверуете в то, что преимущество на вашей стороне. Потом-то, конечно, понимаешь, что противник – всего лишь беззащитный одинокий грузовой корабль и его экипаж – вероятно, был до смерти напуган, но во время нашей первой атаки в 1942 году нам так не казалось.

Мы выпустили по грузовому судну три торпеды с расстояния в 1430 ярдов, через пару минут повернули к цели, опустились глубже, прошли под ней и продолжили движение. Он развернулся к нам сразу же после нашей стрельбы, и мы, естественно, подумали, что он не задет, несмотря на то что слышали звук взрыва, который могла вызвать неисправная торпеда или глубинная бомба, сброшенная с корабля. Но мы видели в перископ корабль эскорта как раз перед тем, как открыли огонь, поэтому, не рискуя, убрались восвояси.

И на этом все было кончено. После изматывающих месяцев муштры, после беспокойства о том, как каждый из нас проявит себя в момент опасности и волнений атаки, бегство под водой от первой же цели действовало деморализующе. Слабая надежда на то, что цель все-таки была поражена, хотя мы никогда об этом не узнаем, лишь усугубила горечь и разочарование.

Еще одно судно мы увидели через восемь дней. Это было грузовое судно, но оно находилось от нас на расстоянии шесть миль, и мы не смогли к нему приблизиться. 20 сентября, после того как мы уже семнадцать дней оставались на месте и видели всего лишь два маленьких суденышка, мы решили сменить позицию. До сих пор мы патрулировали около Пьяно-Пасс; теперь же решили идти на юг.

Я был палубным офицером в ту самую ночь, когда «вахтенный сигнальщик» Китер заметил на горизонте дымок.

Мы шли в надводном положении, подзаряжая аккумуляторные батареи, со мной на мостике были трое сигнальщиков, и каждый обозревал свой сектор горизонта. Китер, позади меня, просматривал горизонт после третьего сигнальщика.

Приятель трюмного машиниста Д.К. Китер был хорошим сигнальщиком, одним из самых бдительных вахтенных, каких я когда-либо встречал. Он имел привычку то и дело мерзнуть наверху. Подобно хорошему пойнтеру, отслеживающему стаю куропаток, он изучал каждую точку, появляющуюся на горизонте. Поначалу это отвлекало до того, что он забывал осматривать горизонт, в ожидании, когда Китер высмотрит что-нибудь по румбу. Но это был прекрасный пример сосредоточенности на работе, и в ту ночь его усилия были вознаграждены. Китер застыл, указал на горизонт и прокричал:

– Дым на горизонте! По пеленгу сто двадцать право по борту!

Мы повернулись и посмотрели в этом направлении. Я довольно долго всматривался, прежде чем различил при лунном свете смутные очертания силуэта судна, и тогда попросил подняться на мостик командира и с его разрешения побежал вниз, в машинный отсек. Это было первое вражеское судно, которое я увидел воочию.

Как оказалось, это было грузовое судно типа «Кэйо Мару», водоизмещением 6500 тонн, и мы преследовали его полчаса в надводном положении, а потом погрузились для атаки на перископной глубине. Похоже, судно следовало курсом на юго-восток, делая примерно 12 узлов, но то и дело останавливалось и ложилось в дрейф. Через некоторое время мы догадались, в чем дело: оно поджидало эскорт. Через пять минут после полуночи, когда наши пути почти пересеклись, мы начали разворачиваться влево для залпа из кормовых торпедных аппаратов.

Все это время я, конечно, находился внизу, в машинном отсеке. Единственное указание относительно того, что происходило, мы могли получить, слушая слова командира, которые он передавал по переговорному телефону у него в боевой рубке. Но совершенно очевидно, что для всей команды управления огнем картина была туманной. Приближение к цели на перископной глубине даже ночью при лунном свете – дело трудное и опасное. Все, что видно в перископ, – это смутное, и цель легко потерять или неправильно определить угол атаки.

Вдруг, когда мы разворачивались, послышались резкие звуки, накладывающиеся на звук громкоговорителя акустика.

Кто-то вел гидроакустическое наблюдение под водой. У грузовых судов нет гидролокационного оборудования. Значит, наверху в лунном свете гидролокационные сигналы посылал корабль эскорта. Если бы эхо отразилось от корпуса нашего корабля достаточно громко, для того чтобы они могли его уловить, то они бы его засекли.

Не хочу употреблять слово «клаустрофобия», потому что я никогда ею не страдал и не знал никого из членов экипажа подводной лодки, кто боялся бы замкнутого пространства, но, когда стали слышны эти зловещие звуки, у нас появилось ощущение, будто мы идем на ощупь, чувство одиночества, беспомощности, как будто мы ослепли, потому что не видели, как где-то там наверху миноносец, корабль, созданный для того, чтобы топить подлодки, ищет нас.

– Приготовиться к атаке.

Слова в боевой рубке звучали негромко, но в тишине центрального поста они были слышны каждому, и каждый вздохнул с облегчением. То, на что решился командир, было хорошим замыслом – открыть передние крышки торпедных аппаратов. Длительному ожиданию пришел конец.

– Приготовиться к установке окончательного пеленга...

И вновь эта неожиданная сухость во рту.

– Обозначить пеленг... товсь!.. Первый аппарат – пли!

Лодка вздрогнула, когда вышла первая торпеда, затем по команде за ней последовали вторая и третья.

Мы вели огонь по кормовой части правого борта судна, по точке, находящейся в трех четвертях расстояния от его носа. Но судно повернуло влево как раз в момент, когда мы открыли огонь, – вероятно, по чистой случайности, потому что тогда ни на судне, ни на кораблях охранения не знали о нашем присутствии. Тот факт, что мы слышали звуки гидролокатора, означал лишь, что он сканировал район и пока нас не обнаружил. Однако он мог сделать это в любую секунду, а мы даже не знали, где он находился.

Торпеды прошли мимо, все три.

Но маневр, спасший от них цель, также оказался для нее роковым. Судно все разворачивалось до тех пор, пока мы не оказались в отдалении от его левого траверза.

– Четвертый, пли!

Вновь вздрогнула лодка, а мы опять ждали. Ход торпеды должен был продлиться одну минуту и двадцать секунд. Короткое время, но, когда вы ждете, оно как вечность.

Теперь перископ убрали. Все действия прекращены. В молчании, замерев в воде, мы ждали...

Бу-ум!

Сначала раздался громкий взрыв. За ним последовали отдельные удары – малые взрывы следовали один за другим. Нам представилось, как выгибаются переборки, вода потоком устремляется в огромные пробоины в корпусе. Первый взрыв мы слышали через корпус самой подлодки; более мелкие зафиксировала акустическая аппаратура в боевой рубке, но они были достаточно громкими.

Этот один удар оказался чувствительным. Мы подвсплыли, подняли перископ, поймали грузовое судно для того, чтобы увидеть, как оно тяжело кренится на левый борт. Прежде чем мы покинули это место, судно затонуло.

Теперь наступала расплата. Корабль сопровождения, небольшой миноносец, обнаружил бурун от нашего перископа. Оставляя за собой пенный след, устремился прямо к нам.

– Убрать перископ! Заполнить цистерну быстрого погружения!

Мы начали погружение, стараясь уйти на глубине подальше от этого места. В этот момент мы не пытались быть хладнокровными, как это было в напряженные мгновения приближения и атаки. Все, чего мы хотели теперь, – это убраться куда-нибудь подальше и побыстрее. Осмотреться в отсеках и отключить производящий шум механизм.

Снова настало время затаиться. Каждая деталь механизмов, производящая шум, все, без чего мы могли обходиться, было отключено. Система кондиционирования воздуха, установленная для защиты электрического оборудования, прекратила подачу охлажденного воздуха. Жар стал расползаться по лодке. Рулевые горизонтальных и вертикальных рулей, управлявшие электромоторами, перешли на ручное управление; теперь они обливались потом от напряжения, когда поворачивали и направляли гигантские лопасти и рули силой своих мышц. Створки в переборках и системе вентиляции были задраены, с тем чтобы в случае затопления какого-нибудь отсека он мог быть изолирован – что, как нам всем было известно, не очень помогает, потому что любой затопленный отсек потопит лодку.

И тогда, когда мы быстро погружались, первая глубинная бомба была сброшена противником.

Это было хуже всего, потому что сторожевик приблизительно знал, где мы находимся. На этот раз мы слышали через корпус лодки шум гребных винтов корабля, проходившего над нами. И вдруг на звукоприемнике мы услышали всплеск. Первая глубинная бомба ударилась о воду.

Взрывающаяся глубинная бомба издает три вида звука: щелчок, затем резкий металлический звук разрыва, будто по корпусу ударяет миллион кувалд, и, наконец, шипение, как

будто вода сильным потоком врывается в пробоину, сделанную бомбой. Чем ближе падает бомба, тем меньший промежуток между этими звуками. Когда бомба совсем близко, вы слышите один ужасный звон.

Первая проявила себя как раз таким образом. Пробка и краска отслоились от переборок. Электрическая лампочка разлетелась возле моей головы. Лодку тряхнуло. Я испытал головокружение, чувство отрешенности, будто попал в автомобильную катастрофу или получил жесткий удар в челюсть. А еще было чувство, будто все происходит с вами, но вы как бы над всем, смотрите на свое тело как на объект, подвергшийся наказанию.

Миноносец сбросил с дюжину бомб, прежде чем мы стали удаляться от него. Если сможем уйти на пару миль, думали мы, то скроемся от него в темноте, безопасно всплывем и ускользнем.

Уходили все дальше и дальше от глубинных бомб и всплыли примерно в миле от сторожевика. Минуту спустя он двинулся к нам.

На горизонте был шквал с дождем, и мы направились туда на полной скорости. Шквалы с дождем очень благоприятны в подобных ситуациях, особенно ночью. Поскольку мы шли в надводном положении и удирали от него, его акустические приборы были практически бесполезны в качестве средства обнаружения нашего местонахождения, к тому же мы могли развивать гораздо большую скорость, чем в подводном положении, устремляясь к нашему прикрытию. Конечно, когда мы быстро двигались, лодка оставляла за собой кильватерный след – в некоторых районах Тихого океана вы можете стоять на кормовой части мостика и читать газету в полночь при свете от кильватерного следа, оставляемого лодкой, но шквал с дождем спрячет нас и наш кильватер на достаточно долгое время, чтобы скрыться.

По крайней мере, таков был план, и он сработал. Миноносец догонял нас, когда мы вошли в область шквала, он потерял подлодку, а мы изменили курс и вышли с другой стороны шквала. Через некоторое время он тоже вышел из этого района, но к тому времени мы обошли его кругом и были готовы войти туда с другой стороны. На этот раз, когда мы оттуда вышли, мы его потеряли. Зловещая игра в прятки завершилась; призом за победу были наши жизни.

Позднее, когда мы вспоминали о той первой атаке и глубинном бомбометании, они казались нам почти смехотворно скучными. Но в то время мы были пьяны от восторга и гордости.

Мы наконец-то потопили судно, после всех этих недель неудач и трудов, ожиданий и наблюдений, борьбы со скукой и страхом, наконец. Это судно не было большим, но оно было «нашим». На нас сбрасывали глубинные бомбы, и мы это вынесли, поставив на карту не просто свои жизни, но и свою честь. Все хлопали друг друга по спине, у всех был немного безумный взгляд и переполняло торжествующее осознание того, что никто из нас не сломался, что мы, наконец, заглянули в тайны своей души и нашли там то, что надеялись найти.

Глава 4

СПАД

До сих пор, и, как я полагаю, это происходит со всеми моряками, переживающими свое первое боевое крещение, мы были поглощены собой, своей лодкой и нашим океанским походом. Мы знали о более значительных событиях, происходивших вокруг нас на огромных просторах Тихого океана; наши инструктажи в Пёрл-Харборе убеждали в этом, и ежедневные передачи последних известий и кодированные послания, которые мы получали по радио на «Уаху», держали нас в курсе событий. Но «огромная сцена» оставалась лишь фразой до тех пор, пока с боевыми выстрелами торпед, с потоплением вражеских транспортов и с выживанием после атак противника мы сами не стали ее частью.

Теперь неисчислимые океанские мили, которые до этого только усиливали нашу изоляцию и наш самоанализ, сопутствовали нам в другом сражении. Мы наконец сориентировались. Место, где пошло ко дну наше грузовое судно, было как бы одной из двух точек, между которыми проведена прямая линия. Другая точка, на которую мы теперь смотрели по-новому, называлась остров Гуадалканал.

Шел конец сентября 1942 года. Гуадалканал стал кровавым символом всех наших надежд на то, что захватнические амбиции японцев могут быть пресечены и они даже могут быть отброшены назад. В прошлую весну мы удерживались на плаву благодаря доставшимся дорогой ценой победам в Коралловом море и у острова Мидуэй. Обе они имели огромное стратегическое значение, но операция на острове Гуадалканал — *это было нечто иное*. Впервые с начала войны готовилось там контрнаступление. Морские пехотинцы высадились 7 августа, сражения на суше, на море и в воздухе продолжались с неослабевающей ожесточенностью.

И именно из-за Гуадалканала нам пришлось блуждать на морских коммуникациях противника близ островов Трук, за многие мили от главных событий конфликта. Потому что из своего бастиона на островах Трук японцы доставляли провиант и военную технику на место сражения у Соломоновых островов, и каждая тонна потопленных нами грузовых судов была ударом по завоеванию Гуадалканала. Как участники этого сражения, мы стремились находить и топить новые цели врага.

Но вместо этого чуть было сами себя не потопили одной из своих собственных торпед.

Даже в боевых патрулированиях требовалось выполнить проверку торпед, находящихся в торпедных аппаратах, чтобы быть уверенным, что они всегда в состоянии готовности. На вторую ночь после нашей атаки что-то разладилось в одной из торпед.

Торпеда выбрасывается из торпедного аппарата давлением воздуха. У каждого конца аппарата – массивная крышка; чтобы выстрелить торпедой, вы открываете крышку с внешней стороны борта, нагнетаете воздух в баллон для создания высокого воздушного давления и затем выбрасываете торпеду из аппарата. Во время проверок торпеды следует иная процедура, известная как стрельба воздухом. Поскольку вы просто проверяете оборудование, оставляете наружную крышку закрытой, открываете внутреннюю крышку, отключаете сложную систему защитных взаимосвязанных устройств и стреляете из аппарата. Торпеда остается на месте, а воздушный столб врывается назад в лодку.

Так должно было произойти, когда Роджер Пейн проводил ночью тренировку очередной торпедной команды, но этого не произошло. Торпедист второго класса Майерс случайно изменил процесс. У него внутренняя крышка аппарата номер 4 была открыта и готова для проверочного выстрела, когда он совершил ошибку – поднял вертушку ограничителя на шестом, а не на четвертом аппарате и толкнул рычаг управления стрельбой.

Шестой аппарат был одним из приготовленных к пуску торпеды по поверхности, аппаратом, готовым к моментальному использованию. Крышки торпедного аппарата были закрыты (внутренние и наружные).

Это произошло, когда бедный Роджер шел из кормового в носовой торпедный отсек. Как раз когда он входил в носовой отсек, произошел сильный удар, будто лодка ударилась о бревно, а Майерс поспешил Роджеру навстречу.

– Я думаю, что только что произвел выстрел торпедой в аппарате шесть, – сказал он.

Роджер, как он нам потом рассказывал, был в шоке. Он выбежал вперед и отдраил внутренний клапан на шестом аппарате, впуская немного воздуха, а затем воды. Через смотровое стекло внутренней крышки было видно, что аппарат заполнен водой. Было ясно, что торпеда все еще находилась в аппарате.

В то время как все это происходило в носовом торпедном отсеке, Хэнк Хендерсон и я стояли на палубе в качестве вахтенных офицеров, ничего не подозревая. «Уаху» лежала в дрейфе на освещенной лунным светом воде. Приглушенный стук ее дизелей, подзаряжавших аккумуляторы батареи, лишь подчеркивал мирную тишину, окружавшую нас. Я почувствовал странный глухой звук под ногами и, будучи этим озадачен, направился на корму и спросил Хэнка, чей пост находился всего в десяти футах от моего, не заметил ли он этого звука. Мы поговорили об этом одну-две минуты с полным равнодушием, я повернулся и пошел на нос.

А там в воде прямо у носа виднелись два странных силуэта. Они двигались, покачиваясь на волнах, как причудливые морские животные. Я вызвал командира на мостик.

Командир быстро поднялся по трапу и стал пристально глядеть вперед. Было заметно, что он испытывает огромное напряжение, но не выказывал удивления по поводу таинственных силуэтов. Для меня это было уже слишком.

– Командир, – рискнул я спросить, – те два силуэта в воде... Думаю, что это тюлени.

– Нет, – отрывисто проговорил он, – это не тюлени. Это Пейн и Смит.

В те несколько секунд, пока я был на корме, Роджер обратился к командиру, получил разрешение вылезти за борт и посмотреть, что произошло. Он прихватил с собой в помощь рулевого Дональда Смита. Они прошли по борту вперед на нос и бросились в воду, в то время как я разговаривал с Хэнком.

Быстрота, с которой действовал Роджер, была вызвана тем, что он знал о капризном характере торпед в целом, и его почти полной уверенностью в том, что эта торпеда частично вылезла наружу из аппарата номер 6. Иногда у торпеды, когда ее выстреливают, бывает повреждено хвостовое оперение руля. Если это происходит, она может повернуть назад и нанести удар по своему же кораблю. Чтобы свести к минимуму возможность такой катастрофы, у каждой торпеды внизу ее боеголовки есть вертушка для приведения торпеды из рабочего состояния в боевое. Пока она не отсчитает четырехста ярдов хода, торпеда не взорвется. Но после этого соприкосновение со стальным корпусом или даже просто его близость приведет к взрыву. Если усилием торпеды внешняя крышка откроется, Роджер знал, боеголовка будет высываться из аппарата наружу в море, чтобы дать судьбоносной маленькой вертушке повернуться, когда мы двигаемся впереди. И взрыватель будет приведен в боевое положение. Если взрыватель не приведен в боевое положение, то сможет ли торпеда пройти через погнутую внешнюю крышку или будет отброшена обратно в аппарат?

Ответы на эти вопросы искал Роджер, пока они со Смитом ныряли и осматривали наружную крышку торпедного аппарата в черной воде. И ответы на эти вопросы, похоже, были плохими.

Крышка открылась на несколько дюймов под сильным нажимом боеголовки торпеды. Не было надежды на то, что торпеда войдет внутрь или выйдет наружу. Она застряла и оста-

нется там до тех пор, пока мы не вернемся в Пёрл-Харбор или пока она не выстрелит. Что до фактора безопасности, Роджер вывернул взрыватель.

Надежда на то, что торпеда будет оставаться застрявшей в трубе, не причиняя вреда, была лучшим из того, что он мог доложить командиру. Он и Смит наконец вылезли из воды, мы все в нервном напряжении стояли на мостике, обсуждая эту ситуацию, и наконец капитан приказал двигаться вперед малым ходом. Первые четыреста ярдов мы шли, затаив дыхание, в ожидании взрыва, который так и не произошел. В конце концов, когда ждать надоело, все, кто не был на вахте, решили спуститься вниз.

Мы тогда еще не знали, что жизнь с торпедой, застрявшей в шестом аппарате, только начиналась. Мы не могли вытащить ее из аппарата и не могли задвинуть ее на место в лодку. Мы даже открыли внутреннюю крышку, применили блок и зацепили торпеду, попытавшись втащить ее внутрь, но она не пошевелилась.

Поначалу напряжение было невыносимым. Мы ели, спали и грезили с ощущением постоянной опасности того, что торпеда будет приведена в боевое состояние. В тихие ночи мы небольшими группами ходили к носовому торпедному отсеку и собирались вокруг неисправного аппарата. Кто-то прикладывал ухо к бронзовому стволу и докладывал: «Она жужжит!» Остальные нервно фыркали: «Черта с два! Это храпит торпедист». Были придуманы магические обряды, которые исполнялись, чтобы задобрить богов торпедного аппарата.

Однако постепенно мы закалились под влиянием продолжающегося столь долго постоянного страха смерти. Мало-помалу мы примирились с угрозой и порой даже находили в этом утешение. Если что-нибудь не ладилось, мы всегда могли сказать: «Ну, это не так уж и важно. Эта торпеда в конце концов, того и гляди, взорвется».

Еще одна трудность помогала нам отвлечься от ожиданий смерти. Заклинило в закрытом положении клапан носовой балластной цистерны.

Носовая цистерна плавучести находится наверху на самом носу корабля. Если вы находитесь в подводном положении и готовы к всплытию, то нагнетаете в нее воздух для того, чтобы спешно подняться на поверхность с хорошим углом подъема. И наоборот, вы открываете клапан, когда погружаетесь, а если клапан не открывается, то на погружение идти невозможно.

Мы уже несколько дней замечали, что открывать клапан все труднее и труднее. В ночь на 25 сентября его заклинило, и он перестал открываться совсем.

Это означало, что мы не могли пойти на глубину до тех пор, пока он не будет исправлен. Несчастный Роджер Пейн, я вместе с Эндрю Ленноксом, помощником старшины трюмных машинистов, и пара матросов были включены в рабочую группу по ликвидации неисправности, чтобы пойти на погружение, и чем быстрее, тем лучше, так как скоро наступало светлое время суток. Это была игра на нервах. Нам предстояло снять крышку и подобраться к цистерне через маленький люк. Внутри цистерна была скользкой, черной и покрыта слоем антикоррозийной смазки. Тусклого света батарейных фонариков нам хватало лишь на то, чтобы осветить напряженные лица друг друга. Все мы знали, что в акватории противника любая неожиданная встреча будет означать необходимость срочного погружения «Уаху», независимо от того, в цистерне мы или нет. Я напомнил другим, что, согласно правилам морской этики, старший офицер всегда последним покидает отсек, но Роджер остановил меня, сказав, что, если я окажусь сзади в этом узком проходе, мы никогда не выберемся из цистерны.

С этим клапаном носовой балластной цистерны, а также с застрявшей торпедой нам приходилось согласиться на нелегкий компромисс. Механизм привода безнадежно заклинило. Все, что мы могли сделать, – это оставить крышку входного отверстия цистерны снятой. В этом случае всегда могли заполнить цистерну, но не могли использовать ее для быст-

рого подъема на поверхность или следить за тем, чтобы угол погружения не был слишком большим. Было бы трудно всплывать без носовой балластной цистерны, но вовсе невозможно погружаться при закрытом клапане. Мы предпочли погружение и всплытие с трудностями.

Таким образом, оставшееся время этого похода, который завершился 17 октября, мы действовали с заклиненным клапаном носовой балластной цистерны и с торпедой, которая могла взорваться в любую минуту. Эти две механические неполадки, похоже, создали своеобразную атмосферу этого патрулирования, так как в течение одной только недели нам пришлось встретиться с плавучей базой гидросамолетов, с авиатранспортом и с двумя эсминцами, проследовав возле них и не открывая огня.

Плавучая база «Дзиеда» появилась среди бела дня, в то время как мы находились под водой. Она была на расстоянии примерно в двенадцать тысяч ярдов и следовала в Пьяно-Пасс. Сначала мы подумали, что она у нас в руках, но, когда попытались сократить дистанцию, она сделала три зигзагообразных маневра и, прежде чем мы успели выйти на позицию, исчезла в направлении Трука.

Нам не повезло. Оставалось только облизываться. Иначе было с авиатранспортом. Он, мы чувствовали, был наш.

В те первые дни войны на Тихом океане авиатранспорт считался почти невероятной удачей для подводной лодки. Лучшими достижениями для наших подлодок было потопление поврежденного японского авианосца «Сорю» подводной лодки «Наутилус» у острова Мидуэй и тяжелого авианосца старой, доблестной «S-44» в день после ужасной битвы при острове Саво, вслед за высадкой морской пехоты на Гуадалканале. Теперь мы вдруг увидели в перископ авианосец «Рюдзе». Если бы мы торпедировали его, это был бы первый полностью боееспособный и укомплектованный авианосец, потопленный одной из наших подлодок. Когда разнеслась весть о том, что обнаружено большое судно, наши моряки были вне себя от возбуждения.

Было раннее утро 5 октября. Мы находились в южной части нашего сектора патрулирования, на некотором расстоянии к юго-западу от островов Трук, когда авианосец и два эсминца, двигавшиеся со скоростью четырнадцать узлов, были обнаружены в перископ на расстоянии примерно пять с половиной миль. Авианосец был по отношению к нам под углом в 60 градусов справа по борту, и это означало, что хотя мы не лежали на курсах резкого сближения, но могли превратить эту позицию в боевую.

Но мы этого не сделали. Мы сократили дистанцию примерно до семи тысяч ярдов, а затем наблюдали, как он скрылся невредимым. После того как он прошел мимо, мы всплыли на поверхность среди бела дня. Это был куш, достойный того, чтобы рискнуть ради него, и мы стали преследовать в надводном положении, но шквал с дождем заставил нас закончить преследование.

Десятки факторов, человеческих или технических, могли привести к тому, что мы упустили свою удачу; теперь это не важно. То, что ничего не стоило, я полагаю, так это такое чувство, как разочарование, которое могло охватить участников этих событий. Конечно, то, что мы упустили «Рюдзе», было одним из самых важных, хотя и негативных моментов, которые мы пережили за все время патрулирования. Он внес смятение в нашу уверенность в себе, веру в нашу лодку и нашу боевитость в целом. Нам приходилось жить с памятью об этом всю войну. Для некоторых из нас, я думаю, это событие стало не более чем память о былом, но другие почти наверняка в последующие месяцы под его влиянием впадали в крайности, либо проявляя нерешительность, либо – безрассудную храбрость. Во время войны, как и в мирное время, неслучившееся событие зачастую более важно, чем многие события, которые произошли.

Два дня спустя, понурые и обескураженные, мы покинули назначенный район и направились домой. И теперь, как будто давая нам надежду на новый шанс показать себя, судьба вмешалась, спасая наши жизни.

Мы были в районе Маршалловых островов, вне опасной акватории и шли в надводном положении. Роджер Пейн и я несли утреннюю вахту, командир был на мостике, и обстановка казалась безмятежной и мирной. Наш радар периодически сканировал небо в поисках самолетов, по крайней мере мы надеялись на то, что он это делал, наши сигнальщики были настороже, и мы чувствовали себя в безопасности, веря в то, что враг остался далеко позади. Первым сигналом опасности для меня стал неожиданный сигнал ревуна к экстренному погружению. С мостика в кормовой части я перешел на носовую часть, чтобы последовать за другими вниз к люку, и вдруг увидел причину тревоги.

Впереди нас низко над водой и на дистанции всего в полмили летел японский «Мицубиси-97»². Как он смог подобраться так близко, прежде чем был замечен? Нам, похоже, был конец. Самолет шел прямо на нас с открытым бомбовым отсеком. Он будет над нами, прежде чем я успею закрыть люк. Если когда-либо и была предрешена участь подлодки, то относительно «Уаху» это был тот самый случай.

Мы ушли под воду. Это был пустой номер, даже ошибка при том условии, что самолет находился уже настолько близко, но мы действовали рефлекторно и погружались. А когда ускользнули под воду, как были уверены, в последний раз, то ожидали взрыва.

Невероятно, но взрыва не последовало. Напряжение все нарастало, и молчание уже становилось невыносимо. Затем постепенно и с опаской мы начали на что-то надеяться.

Мы удалились на много миль, прежде чем по-настоящему поверили в нашу удачу. По какой-то совершенно необъяснимой причине японец не сбросил бомбу. Заклинило ли ее? Закоченела ли у летчика рука на рычагах управления в последний момент? Какова бы ни была причина, он упустил возможность, которая бывает у пилота бомбардировщика раз в жизни. Вспоминая о «Рюдзе», мы почти сочувствовали ему.

Итак, мы вернулись в Пёрл-Харбор, несколько стыдясь теперь за свое единственное маленькое грузовое судно, но неожиданно счастливые, что вообще вернулись. «Уаху» встала в сухой док, где наружную крышку торпедного аппарата номер б отрезали и было установлено, что роковая вертушка сделала несколько поворотов, но недостаточно для того, чтобы привести в боевое состояние застрявшую торпеду. И когда эта и другие неполадки на «Уаху» были устранены, ее офицеры отправились на две недели на Гавайи для отдыха и восстановления сил.

Уже стало традицией, что, когда вы возвращаетесь после патрулирования, сменный экипаж идет на борт, чтобы произвести ремонт и привести лодку в боевую готовность, в то время как ее основной экипаж сходит на берег и на две недели забывает о подводных лодках, войне и, собственно говоря, обо всем. Тот, кто установил эту традицию, знал, что делает. Требовалось около двух недель для того, чтобы избавиться от напряжения.

Я был вдвойне рад возвращению, потому что корабль моего брата Джона крейсер «Миннеаполис» был в Гонолулу, когда мы прибыли. Брат служил штурманом на «Миннеаполисе», который входил в боевой контакт с противником у Гуадалканала, и торпеда, выпущенная из японского миноносца, разнесла его носовую часть. У них был длительный, трудный и опасный переход назад в Пёрл-Харбор. Джон был на дежурстве в день, когда мы прибыли, но на следующий вечер он приехал на Гавайи, и мы чудесно провели время, разрешая все мировые проблемы, выигрывая войну и решая наше собственное будущее.

² «Мицубиси-97» – двухмоторный средний японский бомбардировщик.

Я писал длинные письма Энн и Билли, рассказывая им о том, что мы надеялись лучше проявить себя в следующем походе, и уверяя их в том, что, по всей вероятности, я приеду в отпуск домой не позднее следующего лета.

И я часто ходил плавать в бассейне базы подводных лодок.

Однажды в бассейне я случайно встретил другого пловца, и, прежде чем сами осознали, мы уже соревновались, подобно двум мальчишкам из разных концов города, которым довелось встретиться в водоеме. Я вообразил себя пловцом (я был капитаном команды пловцов в Военно-морской академии и входил в команду Всеамериканского клуба ватерполистов), что едва ли было большой заслугой, если учесть, как мало команд по водному поло в Соединенных Штатах.

Но этот парень, массивный, большерукий, примерно моего возраста, умел плавать лучше меня. После того как он это убедительно доказал, мы вылезли из воды и познакомились. Его имя, которое для меня в то время ничего не значило, было Маш Мортон. «Маш» было сокращением от Машмаус, прозвищем, которому в академии он был обязан своему кентуккскому выговору.

Я встретил его снова, когда наши две недели прошли и «Уаху» была готова к своему второму патрулированию. Капитан-лейтенант Дадли У. Мортон, старше меня на пять лет, был назначен на «Уаху» как будущий ее командир в качестве дублера командира. Его обязанностью было просто быть вместе с нами в патрулировании и следить за всем подряд, так чтобы получить навыки командования. Конечно, согласно установленному порядку требовалось, чтобы командовали старшие офицеры, но иногда у них не было боевого опыта их подчиненных. Поэтому корабли часто выходили в море с офицерами на борту, выступавшими в качестве дублеров, прежде чем принять командование над людьми более опытными, чем они сами, в ведении войны в целом или в какой-то специальной области.

Мы знали, что у Маша был боевой опыт. Он уже командовал судном-ловушкой в Атлантике. Дело было в том, что он подвергся некоторой критике, потому что не смог на своем «старом корыте» приблизиться на расстояние выстрела к замеченной германской подводной лодке. Казалось логичным, что человеку, упустившему возможность потопить подлодку, следует постажироваться на субмарине, не сумевшей потопить авианосец.

На этот раз мы пошли прямо к Соломоновым островам, где все еще продолжалось ожесточенное сражение за Гуадалканал. И опять нас ждало полное разочарование. Наши первые две цели ушли и не были торпедированы. Затем 10 декабря мы потопили наше второе грузовое судно.

Это был конвой, состоящий из миноносца и тяжело груженных трех судов, направляющихся в район Шортлендских островов к югу от Бугенвиля. Капитан прежде всего сосредоточил внимание на эсминце, но тот прошел мимо нас, так резко маневрируя, что мы не смогли взять его на прицел для точного попадания, поэтому переключились на более крупное грузовое судно, водоизмещением порядка 8500 тонн, и дали залп из четырех торпед. Три из них попали в цель, и, пока миноносец разворачивался для атаки, мы ушли на глубину, чтобы избежать возмездия.

Он сбросил первую серию глубинных бомб со стороны нашей кормы, когда мы были на глубине сто двадцать футов, погружаясь еще глубже. Это было хуже, чем при первой бомбежке нашей лодки глубинными бомбами, но нам было легче, потому что однажды уже пришлось ее испытать. В общей сложности он сбросил на нас около сорока глубинных бомб. Один из впускных клапанов был поврежден, антенная шахта и переговорная труба мостика были затоплены, некоторые лампочки погасли. Единственная серьезная неприятность была, когда повредило сальник внутреннего клапана уравнильной цистерны, клапан перестал сдерживать поток и мы стали погружаться за пределы безопасной глубины. Перекрыв вруч-

ную этот злополучный клапан, мы вышли из положения и подвсплыли на безопасную глубину.

К заходу солнца мы вернулись на перископную глубину и убедились, что торпедированная цель потоплена. Одно из двух других грузовых судов стояло у побережья, а другое подбирало уцелевших. Миноносец все еще энергично вел поиск в этом районе, и мы ушли без надежды попытаться поразить другие грузовые суда.

Мы гордились тем, что пустили ко дну еще одну цель, но восторг от первого боевого опыта уже улетучивался, и, конечно, мы не преминули проявить меньше возбуждения, чем чувствовали. В конце концов, мы теперь уже были ветеранами.

Мы находились на оживленной водной магистрали. Через день-другой мы встретили еще одно вражеское судно, но не смогли приблизиться на расстояние залпа. Два дня спустя мы увидели японское госпитальное судно, направлявшееся на Шортлендские острова, и соблюли одно из лукаво милосердных требований войны, позволив ему уйти. И лишь через несколько часов потопили другое грузовое судно и получили урок, после которого во мне поселилась тревога на все оставшееся время войны.

Мы все еще находились к югу от побережья острова Бугенвиль, близ Шортлендских островов, и вели наблюдение в перископ. Если не считать госпитального судна, день выдался спокойным и без происшествий, и я делал обычный десятиминутный просмотр горизонта в перископ, совсем не ожидая, что что-нибудь произойдет. Я всегда обещал себе, что, когда наступит решающий день, когда я впервые в перископ обнаружу противника, сделаю очень толковый доклад для командира, но то, что я увидел теперь, сделало меня беззащитным. Это была другая субмарина, идущая в надводном положении очень близко. Подлодки должны быть близко, чтобы их можно было увидеть в перископ, потому что они медленно двигаются в водной среде. Эта была примерно в трех тысячах ярдов. Я недоверчиво присвистнул и вызвал срочно командира.

Если бы это была всего лишь утка на воде, но это была не утка. Вот она перед нами, одинокая субмарина, совершенно не подозревающая о нашем присутствии, в подводном положении, конечно, идущая на малой скорости. Мы подходили к ней, заметив большой японский флаг и обозначение «1-2» на боевой рубке, и дали залп из трех торпед. Первая прошла примерно на двадцать футов впереди боевой рубки, и менее через минуту подлодка пошла под воду, при этом несколько членов ее экипажа оставались на мостике.

Одно дело – потопить старое надводное судно, и другое – корабль, подобный вашему собственному, даже если он управляется врагом. Прежде то, что мы видели или воображали в моменты нашего триумфа, было просто угловатым силуэтом, погружающимся в воду, таким же безликим, как камень, погружающийся в пруд. Теперь мы вообразили себе моряков, запертых внутри лодки.

Примерно через две с половиной минуты неожиданно наступила кульминация. Через корпус мы отчетливо расслышали треск и скрежет ломающегося металла. Было легко представить себе происходящее на глубине. Некоторые бедняги оказались замурованными в отсеках в первые секунды после того, как лодка была торпедирована, и прожили на ничтожно малый отрезок времени дольше, пока субмарина не затонула и давлением воды не раздавило отсек.

На «Уаху» были самые бдительные сигнальщики во всем военно-морском флоте. Они умели замечать и замечали плавающие кокосовые орехи на горизонте. Каждый из нас на жутком примере воочию убедился в том факте, что подводная лодка на плаву подвержена постоянной опасности быть обнаруженной субмариной противника, находящейся в подводном положении, и почти так же беспомощна, как рыба без воды.

С того дня я никогда полностью не расслаблялся, если лодка была на поверхности. Есть что-то вдвойне ужасное в том, чтобы быть уничтоженным таким же, как ты, подводником.

У нас еще оставалось в памяти потопление японской субмарины, когда возникли проблемы с собственной лодкой, проблемы, которые могли бы иметь серьезные последствия, если бы не мощные мускулы Моргана – рулевого, который размахивал передо мной кольцом в ту далекую ночь до того, как мы покинули Штаты.

Как и у всех подводных лодок, участвовавших в боевых действиях, у «Уаху» было два перископа. «Вешалка» – высокая узкая оптическая труба с маленькой головкой – обычно использовалась в боевой рубке в процессе сближения с противником. Ночная оптическая труба с более крупной головкой для того, чтобы в нее поступало больше света, предназначалась для использования только в центральном посту, под боевой рубкой и для более малых перископных глубин, чем «вешалка». В самом начале этого патрулирования командир из-за невозможности хорошо различать цель во время грозы, когда то и дело ослепляют вспышки молнии, был вынужден выдвинуть ночной перископ вверх в боевую рубку, для того чтобы обеспечить лучшую видимость в таких условиях. Для того чтобы это сделать, необходимо было снять металлическую пластину на рельсе перископа между боевой рубкой и центральным постом, снять тяжелую стальную перемычку и закрепить ее в радиорубке над головой на месте пластины.

Эта работа производилась в то время, когда мы были на глубине. Пластина была снята, и в «Уаху» образовалась опасная течь. Следовало сразу же снять пластину и прикрутить на место, но теснота усложняла проблему. Пластина была чрезвычайно тяжелой, а поднять ее в такой тесноте должны были всего два человека. Даже при самых благоприятных условиях они вряд ли смогли бы с этим справиться.

Два матроса шатались и задыхались, а вода все прибывала, когда Морган, стоявший поблизости, крикнул и оттеснил их в сторону. Затем он в одиночку поднял пластину, установил ее на место и держал до тех пор, пока ее крепко не привинтили. Полусогнутый, со вздутыми мышцами и покрытым потом полуголым телом, он выглядел как Атлант, держащий земной шар, и для нас был таковым. Я ранее говорил, что благодаря этому подвигу фактически была спасена лодка. Возможно, это преувеличение. Мы могли бы остановить течь, но нам пришлось бы прекратить патрулирование и возвратиться для починки перископа, а при сложившихся обстоятельствах это было бы в высшей степени опасным. Во всяком случае, в тот момент никто не колеблясь доверил Моргану спасение корабля. Я был рад видеть, что он в конце концов пришел к выводу, что ему нравится на флоте.

Мы вошли в Брисбен 26 декабря, имея на боевом счету две пораженные цели, но более обескураженные, чем были в конце первого похода. «Уаху», лодка, с которой мы были с самых первых дней ее постройки и в отношении которой мы поклялись, что она станет самым великим боевым кораблем, не установила больших рекордов, и мы об этом знали. У нас были оправдания: существовали технические неполадки, и у нас еще не доставало опыта, и мы патрулировали не в том месте и не в то время, подобно неудачливым рыболовам; но, зная все это и даже допуская тот факт, что наш дух был снижен из-за того, что Рождество пришлось отмечать на субмарине, мы все-таки совсем сникли. Нам не нужны были хорошие оправдания, а нужны были хорошие результаты.

Наше первое впечатление от Австралии не улучшило настроения. Позднее мы полюбили это место и здешних людей, но, когда пришвартовались у борта плавучей базы подлодок «Сперри» в гавани Брисбена и сошли на берег, чтобы расположиться на отдых, обнаружили, что предложенные удобства сильно отличались от тех, что были на Гавайях в Гонолулу.

Всем офицерам, кроме командира и старшего помощника, предоставили комнаты в обшарпанной гостинице, по сравнению с которой кают-компания на «Уаху» казалась роскошью. Мы пробыли там пару дней, а потом узнали, что на берегу можно было снять кот-

тедж на Парадайз-Бич, курорте, расположенном примерно в пятнадцати милях от Брисбена. Мы втиснулись в маленький поезд на паровозной тяге, курсирующий до берега и обратно с большими интервалами, осмотрели коттедж и сняли его. Большинство из нас провели там остаток выделенного на отдых времени.

Мы готовили себе сами на газовой плите, имевшей обыкновение взрываться при попытке зажечь ее, но берег, предоставленный в наше полное распоряжение, был восхитителен. Из-за сильного подводного течения лишь самые отчаянные из австралийских пловцов плавали там, а большинство из них сейчас были на войне. Но если научиться там плавать, то можно получить удовольствие. Подводное течение направлено параллельно берегу, и, войдя в него, вы могли унести с ним на несколько миль. Мы проводили там большую часть своего времени за неимением лучшего занятия. Я думаю, что это был период самого здорового образа жизни для нас за всю войну.

У нас было с собой бренди. После глубинных бомб или других тяжелых испытаний подводникам по возвращении из похода, каждому члену экипажа, время от времени выдавали по двухунциевой бутылке бренди. Вспоминая, каким изумительным оно было на вкус после глубинных бомб, мы заключили, что при первом же удобном случае мы не преминем «принять» на берегу и по-настоящему кутнуть.

Мы это и сделали, когда сошли с «Уаху» на берег. Откупорили бренди при первой возможности и израсходовали весь запас по назначению. Вкус этого зелья был ужасным; бренди чуть не сожгло наши глотки.

Глава 5

МАШ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

Год подошел к концу, когда на «Уаху» был назначен новый командир. Марвин Кеннеди, рыжеволосый педант, который контролировал постройку корабля, усердно и хорошо тренировал нас и водил на два патрулирования, получил другое назначение, а наш стажер, большой веселый капитан-лейтенант Дадли У. Мортон из Кентукки стал командиром. И спокойными январскими днями в Брисбене, прежде чем снова вышли в море, мы попытались определить, что несет с собой это изменение.

Все любили Маша. Он старательно знакомился с «Уаху» и ее экипажем во время второго патрулирования. Он все время сновал по узкой лодке, проверяя оборудование, от его широко поставленных глаз не укрывалось ничего. Крохотная кают-компания всегда ожидала, когда Маш протискивал свои массивные плечи в один из двух узких проходов и усаживался. Он был сложен как медведь и по-юношески весел. Однажды мы с ним затеяли импровизированную борьбу после кофе, и он применил ко мне прием «полунельсон» и слегка пригнул. После этого что-то хрустнуло у меня сзади в шее, и голова в течение нескольких недель кренилась после этого влево. Случается это и теперь, и я при этом всегда вспоминаю Маша.

Экипаж его любил. Подводный флот, пожалуй, самый демократичный из всех видов вооруженных сил, потому что в тесных помещениях подлодок просто нет места для чиновничества. Даже при этом условии для многих офицеров переход от отношений товарищества к власти над людьми внезапен и труден, так что их подчиненные никогда не чувствуют себя вполне непринужденно. С Машем так не было. Авторитет был ему присущ внутренне и никогда не опирался на неожиданное повышение тона или изменение отношения. Находясь в центральном посту, рассказывая небылицы главному механику Рау, слушая его рассказы или бродя беспокойно в нижнем белье в торпедном и дизельном отсеках, он был так же раскован, как ребенок. Люди были не просто готовы последовать за ним, они сделали бы это с радостью.

Но во время второго похода случалось, что в его невзначай высказанном мнении отсутствовала всякая мера осторожности. Одно дело – быть агрессивным, и другое – безрассудно храбрым, и было бы ошибкой полагать, что простой моряк на субмарине – огнедышащий пират, который навсегда забыл о собственной безопасности. У большинства из нас при оценке риска возникает мысль о том, что мы нужнее для военно-морских сил живыми, чем мертвыми, так же как и для наших жен и детей. Но когда Маш выражал свое мнение о тактике, единственный риск, который он признавал, был риск не потопить вражеский транспорт. Мы с Роджером обсуждали это в Парадайз-Бич с некоторой озабоченностью.

А еще нас беспокоило, что старший помощник Дик О'Кейн безоговорочно поддерживал Маша. Они во всем соглашались друг с другом, а мы все еще были не слишком уверены в Дике. Во время второго выхода в море с Диком стало еще труднее: сейчас он дружелюбен, а через минуту дает более младшим офицерам понять, что выше по званию. Сегодня он – придирчивый начальник, а завтра – демонстрирует излишнюю снисходительность, беспечное отношение, отнюдь не вселяющее в людей уверенность. Как-то себя покажет «Уаху» с Машем и Диком в одном седле?

Тем не менее мы смотрели в будущее почти с предвкушением блестящей перспективы. Как хорошо известно политикам, когда моральный дух падает, любое изменение во благо. И наши сомнения в отношении Маша носили теоретический характер; причины же любить его были явными. Я помню, как в радужных красках писал Энн о переменах.

Я также писал об одной из тех счастливых встреч, которые иногда происходят в войну. Эд Блейкли, наш добрый друг, неожиданно появился в Брисбене незадолго до того, как мы должны были отправляться в море, и я смог передать от него хорошие новости Энн: он и его жена Джинджер в будущем месяце ждали ребенка. Я обещал взять ее адрес и передать его Энн. Правда, я в последний раз видел Эда. Он пропал без вести во время следующего выхода в море.

«Уаху» была готова выйти в море 16 января 1943 года, но еще до этого мы отчалили из гавани в Брисбене, чувствовалось влияние нашего нового командира. Прием пищи в кают-компании приобрел характер вечеринок; вместо того чтобы, уставясь в свои тарелки, думать о возложенных на нас обязанностях, как привыкли это делать, мы попали под влияние капитана, который постоянно шутил, смеялся или говорил о планах совершения дерзких операций против врага.

В мгновение ока, как нам показалось, фотографии японских судов, расклеенные по всей «Уаху», даже в носовой части, были сорваны, не по приказу, но по молчаливому согласию Маша, и на их месте оказались самые лучшие во всем Военно-морском флоте США фотографии красоток. Распознавание силуэтов судов – дело полезное, но некоторые силуэты оказались более полезными.

Согласно полученным инструкциям, мы должны были проследовать в районе Каролинских островов. До сих пор я точно не помню место, в которое мы должны были прибыть, потому что мы туда так и не попали. Но в нашем предписании было одно почти несущественное указание, которому суждено было сыграть огромную роль. По пути мы должны были рекогносцировать гавань Вевак.

Для того чтобы достичь Каролинских островов, мы из Брисбена взяли курс на север, вдоль северо-восточного побережья Новой Гвинеи и выше, мимо пункта Буна, где войска генерала Мак-Артура уже тогда потеснили японцев, и далее вдоль берега, занятого неприятелем. И где-то там, как указывалось в донесениях, был порт под названием Вевак, который мог принимать вражеские суда. Нам предстояло узнать, чем там можно поживиться.

Если мы поспешим, решил Маш, то сможем провести там больше времени, чем положено по нашим оперативным указаниям. Поэтому, когда мы шли вдоль побережья Новой Гвинеи, оставались в надводном положении, чтобы развивать большую скорость. Возникало странное и необычное ощущение при виде вражеского побережья, зловеще черневшего со стороны порта, самолетов противника, почти рядом с нами, и все же это вызывало боевой задор. В противоположность всем традициям на «Уаху», мы держались в надводном положении в дневные часы в течение шести дней, совершая лишь одно быстрое погружение для дифферентовки каждое утро, но никогда не удалялись за пределы видимости берега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.